

АНДРЕЙ КОНСТАНТИНОВ

БАНДИТСКИЙ

ПЕТЕРБУРГ

ПО СЧЕТАМ

Андрей Дмитриевич Константинов

По счетам

Серия «Бандитский Петербург»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48786379

*По счетам:
ISBN 978-5-17-119133-7*

Аннотация

Всем, кто смотрел легендарный телесериал «Бандитский Петербург», небезынтересно будет узнать, что один из ключевых персонажей фильма – старый вор по прозвищу Юрка Барон, блестяще сыгранный Кириллом Лавровым, – в молодости прошел через невероятнейшие жизненные испытания, которые в итоге и предопределили его трагический конец. А начиналось все еще в довоенном Ленинграде, когда подросток Юра был пионером, мальчиком из интеллигентной семьи. И его судьба могла сложиться совсем по-другому, кабы не крестный его матери, некогда персональный шофер самого Ленина, имевший неосторожность написать исключительно крамольную по тем временам рукопись...

Итак: 1962 год. Барон сумел не только разыскать сестру, с которой они расстались еще в ленинградскую блокадную зиму, но и обрести любимую женщину. Казалось бы, теперь самое время завязать с уголовным прошлым и начать жизнь с чистого

листа. Однако обстоятельства складываются так, что Барон идет на новое преступление, не подозревая, что это – ловушка, умело расставленная сотрудниками ленинградского уголовного розыска.

«ПО СЧЕТАМ» – новая книга Андрея Константинова. По мотивам этого романа, а также романов «Юность Барона. Потери» и «Юность Барона. Обретения» снят телесериал «Экспроприатор», премьера которого с успехом прошла на «Первом канале» в августе 2019 года.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	58
Глава третья	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Андрей Дмитриевич Константинов По счетам

© Андрей Константинов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава первая

Слава богу, завтра выходной. Два последних дня Ирина провела словно в тумане, не в состоянии сосредоточиться даже на музейной рутине. Не говоря уже о более серьезных, требующих вдумчивой головы делах. Мысли неизменно возвращались к Юрию. Столь внезапно ворвавшимся в ее жизнь и столь же стремительно из нее исчезнувшему.

Лишь теперь, запоздало, на расстоянии, Ирина осознала подлинную ценность их мимолетной встречи. А осознав – ощутила себя настоящей богачкой. Нет, она не питала заоблачных иллюзий по поводу возвращения Юры. Но, странное дело, все равно была ему благодарна: за душевный вечер, за волшебную ночь, за утреннее пробуждение вдвоем. За подаренную возможность наслаждаться самой мыслью о том, что наконец появился на свете человек, которого любишь. Как это сладостно – знать, что отныне такой человек существует не в одних твоих заневестившихся мечтах, но и во плоти. И тебе было с ним хорошо. И ему, хочется верить, тоже. Мечты – штука эфемерная. Зато вполне осязаема надежда, что укрепляет душу и придает сил для ожидания новой встречи. А если ей все-таки не суждено состояться, что ж... Она поймет, примет и это. Ах, если бы только...

Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить! Сегодня утром, проснувшись, Ирина долго лежала в кровати, все еще пахнущей ИМ,

и размышляла о том, что, если случившаяся близость обернется зачатием, она не станет ни секунды раздумывать и оставит ребенка. Более того, она уже желала его.

В половине шестого, сдав помещения уборщице тете Глаше, Ирина вышла из музея и направилась в сторону кинотеатра. Не то чтобы ей так уж хотелось посмотреть какой-нибудь новый фильм – тошно было возвращаться домой. В пустую квартирку, где тебя никто, кроме дежурных хлопот, не ждет. Так что пусть готовка и постирушка поскучают до завтра, а сегодня Ирине захотелось немного отвлечься, развеяться.

Давали картину «Сорок девять». Название – ни о чем, но на рукописной афише красовалось море. Правда, в столь топорном и аляповатом исполнении, что Ирина даже поморщилась. А еще некстати вспомнила висящий в спальне Ольгин пейзаж. «Если бы не рисунок, в тот день Юра мог бы остаться со мной», – кольнуло ревнивое. Гоня крамольные мысли, она прошла в кассу и купила билет на ближайший сеанс.

Фильм оказался про легендарную четверку – Зиганшин, Поплавский, Крючковский и Федотов. Про то, как 49 дней четверо молодых советских солдат дрейфовали на барже, унесенной штормом в Тихий океан.¹ Оставшись практиче-

¹ Позднее Зиганшин расскажет, что на самом деле трагическая эпопея длилась 51 день. Но на момент описываемых событий цифру «49» озвучил Никита Хру-

ски без воды и пищи, все это время ребята мужественно боролись за жизнь: когда закончилась картошка, сварили ремешки от часов и от гармонки, потом в пищу пошли сапоги... Два года назад эта история прогремела на весь мир, а у себя в стране парни долго, пока в космос не отправился Гагарин, ходили в национальных героях. Ирина помнила, как уже на следующий день после выхода в «Известиях» очерка «Сильнее смерти» страница со статьей была безжалостно вырвана из музейной газетной подшивки и унесена кем-то из посетителей. А вскоре ученики ее изостудии, возвращаясь с занятий, горлопанили: «Зиганшин – буги, Зиганшин – рок! Зиганшин съел второй сапог». Но вот сам по горячим следам снятый фильм разочаровал. Хотя актеры играли неплохо.² Возвращаясь после сеанса домой, Ирина размышляла о том, что в реальной жизни наверняка все было гораздо страшнее. И не столь благостно-патриотично, как на экране.

Как именно это было, мог бы рассказать Юра, переживший страшную блокадную зиму. А еще – ее ученица и, как теперь выяснилось, его сестренка Оленька. Точнее – могла бы. Если бы Бог, либо некто, равный по могуществу, в свое время не смилоствовался и не избавил ребенка от большей части самых кошмарных детских воспоминаний...

щев, и никто в ту пору не решился его поправить.

² Премьера фильма состоялась 15 марта 1962 года. Довольно быстро он ушел из проката, а когда в начале 1970-х режиссер Генрих Габай эмигрировал в Израиль, фильм и вовсе оказался на полке. Копия не оцифрована – в наши дни увидеть фильм почти нереально.

В Галиче темнеет рано, а с уличным освещением вечные проблемы. Вот и этим вечером на улице Подбельского горел лишь фонарь возле магазина. И как раз в его мягком электрическом свете, к ужасу своему, она различила фигуру амбала – того самого хулигана из шпанской троицы, что прицепилась к ним на берегу озера.

Ирина замедлила шаг, тревожно обернулась – ни единой души, звать на помощь некого. Меж тем амбал недвусмысленно перегородил ей тропинку к дому, до которого оставалось каких-то двадцать метров, и Ирина почти физически почувствовала, как душа ее, ища спасения, сиганула в пятки.

– Вы всегда так поздно домой возвращаетесь?

– А вам какое дело?

– Лично мне – никакого. С вами хотят поговорить.

– А вот я не желаю ни с кем разговаривать. Дайте пройти!

В следующую секунду со скамейки, на которой в дневное время томились бабки, ожидающие подвоза в магазин свежего хлеба, поднялся еще один мужчина.

Этот был много старше и не столь пугающей наружности. Когда он оказался под фонарем, подсветившим лицо и седовласую шевелюру, Ирине показалось, что этого человека она где-то видела. Но когда и при каких обстоятельствах – не вспомнила. Да и времени на раздумья не было.

– Или вы сейчас же уйдете, или я начну кричать!

Эту угрозу она произнесла чуть менее тревожным голосом: слегка успокоило появление седовласого, несшего в руках совершенно мирный предмет – букет кричаще-алых гладиолусов.

– Добрый вечер, Ирина Петровна! Умоляю, не пугайтесь. И – тысяча извинений за неожиданный и столь поздний визит.

– Добрый. А разве мы с вами?..

– Исключительно заочно. Я, признаться, люблю заходить к вам в музей. Правда, это случается не так часто, как хотелось бы. Меня зовут Георгий Сергеевич.

– Чем обязана?

– Я хочу принести вам и многоуважаемому Барону извинения за безобразную выходку, второго дня учиненную этим оболтусом и его, с позволения сказать, спутниками. К сожалению, те двое в настоящий момент находятся на амбулаторном лечении. По известным вам причинам. И лишь потому не смогли присоединиться.

– И слава богу, – буркнула Ирина.

– Это вам.

Седовласый галантно вручил ей букет.

– Спасибо, конечно. Но... Я не вполне поняла... Про барона?

– Прошу прощения. Разумеется, я имел в виду Юрия Всеволодовича. Вы, часом, не в курсе: не собирается ли он в

ближайшее время снова побывать в наших краях?

– Нет. Я не в курсе.

– Да-да, вы совершенно правы, Ирина Петровна. Мой вопрос абсолютно бестактен. И все же: если он вдруг объявится, не сочтите за труд передать мою просьбу?

– Какую?

– Передайте, что я буду душевно рад засвидетельствовать ему свое почтение лично.

– Хорошо, если случится такая возможность, я передам. Только... как он в таком разе сможет вас найти?

– Вы знаете шашлычную «Кавказ»?

– Знаю.

– Прекрасно. Юрию Всеволодовичу достаточно подойти туда и справиться за Непоседу. Так меня зовут... хм... близкие друзья. Заранее вам благодарен. А теперь – доброй ночи. Еще раз простите, что потревожили. Сеня, метнулись. У нас еще полно дел.

В мгновение ока тревожная парочка растворилась в темноте. Так, словно ее и не было вовсе. И только шикарный букет красноречиво доказывал обратное. В глубокой задумчивости она добрела до своего дома и, обернувшись, юркнула в подъезд... Интересно, откуда в их захолустье у Юры сыскался столь любезный почитатель? Помнится, на ее вопрос о профессии он ответил, что работает внештатным корреспондентом в одной из ленинградских газет. Причем ответил без особого энтузиазма и быстро сменил тему. Полу-

чается, скромничал? Если даже в Галиче нашлись люди, для которых его имя не пустой звук? А она-то, дурочка, строила из себя бог весть какую интеллектуалку. Ай как стыдно! Ирина решила, что завтра, покончив с неизбежным домашним, обязательно сходит в библиотеку и полистает подшивки ленинградских газет. Надо же встретить любимого мужчину во всеоружии, когда он... Если только он...

— *Вы, часом, не в курсе: не собирается ли он в ближайшее время снова побывать в наших краях?*

— *Нет. Я не в курсе.*

Рассказывает Владимир Кудрявцев

Как и предполагал, коллегия затянулась до позднего вечера. Предчувствуя нечто подобное, утром я предусмотрительно забрал с дачи командировочный тревожный чемоданчик. Так что перед поездом оставалось лишь заехать в Елисеевский, дабы прикупить столичные презенты: пять армянских звезд для Пашки и коробочку бабаевских шоколадных для его семейства.

Коллегия прошла нервно. Протоколно зафиксированное по ее итогам планов громадье выглядело неоднозначно и вызывало массу вопросов. Но сейчас мне предстояла поездка в Ленинград, проходившая, как ни крути, по разряду полуот-

пусковой. Так что я решил задвинуть всё служебное на второй план. Безусловно, я подумаю об этом, и крепко подумаю. Но – позже. А пока...

А пока, отпустив машину, бодренько припустил через просторные залы здания Ленинградского вокзала на перрон, отыскал свой вагон и, предъявив билет суровой проводнице, зашагнул в тамбур. М-да... давненько я не позволял себе удовольствия неспешного чих-пыханья. В последние годы все больше самолетами перемещался. Во времени и в пространстве.

Я толкнул дверь купе – и в нос тотчасшибанул густой аромат шипра. Каковой все равно не мог до конца перешибить еще более густого алкоамбре. Оба запаха источал мой ночной попутчик – невысокий, плотно сбитый мужчина возраста вокруг да около пятидесяти. При полном параде: костюм-тройка, галстук, до блеска начищенные туфли. Под столиком – пузатый, крокодиловой кожи, дефицитный портфель. На столике – бутылка шампанского и плитка шоколада «Аленка».

«Классический номенклатурщик», – машинально определил я. Но, как вскоре выяснилось, ошибся. И то была одна из редких разновидностей ошибок – тех, что во благо.

Мужчина окинул меня быстрым, внимательным взглядом и немного разочарованно констатировал:

– В который раз святая Кэри, спеша ко мне, ошиблась дверью... Я так понимаю, вы мой сосед сверху?

– Он самый.

– Что ж, шанс улетучился, но повод остался. Давайте знакомиться. Михаил Васильевич. Пенсионер.

– Владимир Николаевич. Служащий.

– Воевали?

– Разумеется.

– Значит – споемся. Да не маячьте вы у трапа! Располагайтесь, обживайтесь. До восьми склянок еще плыть и плыть.³

– Благодарю. А можно нескромный вопрос?

– Да хоть два.

– Кто такая эта Кэри? С которой вы снова разминулись?

– Существует предание, что к некоторым морьякам однажды ночью является святая Кэри и крепко целует их во сне. «Поцелованный святой Кэри» – так на британском флоте именуют счастливых.

Теперь мне все стало понятно. И разочарование, и шампанское с «Алёнкой».

– Рассчитывали на попутчицу, а я спутал вам все карты?

– Ваша прозорливость делает вам честь. Ну да нет худа без добра. Теперь можно расслабиться и рассупониваться. Владимир Николаевич, вы не будете шокированы, если я переоденусь при вас?

– Да ради бога.

³ На протяжении многих десятилетий «Красная стрела» традиционно прибывает в столицы в 7:55. А в 8:00 на надводных российских кораблях 1-го и 2-го ранга отбивают восемь склянок (четыре двоянных удара в корабельный колокол).

Михаил Васильевич потянулся за портфелем, и через пару минут полный парад сменился тренировочными штанами с оттянутыми коленками, тельняшкой и шлепанцами на босу ногу, преобразив моего попутчика совершенно.

– Ф-фу! Совсем другое дело. Без морского узла на шее.

– Я тоже галстуки терпеть не могу. Да и правильно завязывать толком так и не научился.

– Для этих целей существуют жены или любовницы.

– Как-то, знаете ли, не обзавелся. Ни тем, ни другим.

– Ха! Если по первому пункту еще допускаю, то по второму... Я вас умоляю! С вашим-то мужественным бронзовым профилем и благородно посеребрёнными висками? Опять же костюмчик. Чехословакия?

– Франция.

– Ого! Как это вас занесло к лягушатникам?

– Служебная командировка.

– Однако! И по какому ведомству нынче такие командировочки отваливают?

– По ведомству МИДа.

– Стоите на страже внешнеполитических интересов СССР?

– Стою. Только, скорее, внешнеэкономических.

В данном случае я работал одну из своих официальных легенд. Ибо мидовские корочки работника отдела экономического сотрудничества с западноевропейскими странами, причем вполне легальные, у меня также имелись.

Михаил Васильевич лукаво, киношно-ленински прищурился и невинно уточнил:

– Чуть менее престижно, зато чуть более выгодно?

Нет, решительно попутчик нравился мне все больше и больше.

Однако же требовалось достойно парировать:

– Насколько я успел заметить, ваша тройка тоже не производства фабрики имени Володарского?

– Угадали. Индпошив. Ленинградский мастер-надомник Клейман. Я, в принципе, мог бы шепнуть адресочек и заветный пароль. Но вам, с вашими внешнеэкономическими возможностями, думаю, без надобности. Кстати, Владимир Николаевич... *Wie stehen Sie dazu, zu trinken? Ich hoffe, dass Sie es nicht schaffen, einen asketischen lebensstil nüchtern sind?*⁴

А вот сейчас – удивил так удивил! Фраза была произнесена мало того что на безупречном немецком, так еще и с оттенками баварского диалекта. Одной из вокальных особенностей коего служит то обстоятельство, что баварцы не жалуют схожие с нашим «ё» немецкие звуки «у умлаут», «и умлаут». Как они сами самодовольно заявляют: «Мы вытягиваем губки трубочкой лишь для поцелуев».

– *Sehr gern. Ich bereue, gesündigt.*⁵

Михаил Васильевич удовлетворенно крикнул. А у меня

⁴ Как вы относитесь к тому, чтобы пропустить по стаканчику? Надеюсь, вы не ведете аскетический трезвый образ жизни? (Нем.)

⁵ С удовольствием. Каюсь, грешен. (Нем.)

возникло странное ощущение, что этот рядящийся под моремана-балагура в отставке пенсионер, с его невинными вопросиками и шуточками, не так прост, каким хочет казаться. Мелькнула даже шальная мысль: не подсадная ли утка – этот мой случайный попутчик?

Впрочем, это предположение я тут же отмел. Все-таки я, худо-бедно, но профессионал. И пытаться прокачивать меня столь неоригинальным способом, мягко говоря, неумно.

– Вот и зер гут. Как говорится, плохо пить, зная, что язва у тебя в пищеводе. Но еще хуже, если знаешь, что она ждет твоего возвращения дома. – Михаил Васильевич азартно потер мозолистые, вполне себе моряцкие ладони. – Только эту шипучку мы с вами, Владимир Николаевич, употреблять не станем. По счастью, в моем арсенале имеется более достойный двух благородных мужей напиток.

С этими словами он извлек из портфеля бутылку молдавского «Белого аиста», водрузил на стол и посмотрел на меня с плохо скрываемым торжеством.

Но и я не собирался исполнять роль нахлебника, да и ре-номе МИДа требовалось поддержать. Так что, мысленно извинившись перед Пашкой, я достал из чемодана подарочный «Арагат» и присовокупил к «Аисту».

– Оп-па! Будем считать, один: один.

– Да? А вот в другой системе координат – два: ноль.

– Это почему?

– В моем на две звезды больше.

– Однако! А вы, оказывается, штучка, Владимир Николаевич.

– Это комплимент или оскорбление?

– Комплимент, комплимент. Успокойтесь. Ну что ж... На два пушечных попадания под ватерлинию мы ответим незамедлительной торпедной контратакой. Свистать всех наверх!

На сей раз из пенсионерского «крокодила» была выужена палка сырокопченной колбасы производства Останкинского мясоперерабатывающего комбината. И, узрев ее, я, не удержавшись, расхохотался. Михаил Васильевич выпучился непонимающе, а я все никак не мог остановиться.

Дело в том, что буквально за полчаса до начала коллегии я получил набор в столе заказов: банку индийского кофе, блок болгарских сигарет и палочку финской салями. А поскольку холодильника у меня в кабинете нет, пришлось взять колбасу с собой. В качестве сухого пайка. В общем, когда я достал из чемодана салями, то в приступе неудержимого хохота теперь уже зашелся и мой попутчик.

Позднее я рассказал эту историю знакомому журналисту, начинающему писателю Юлику Семенову. Будучи страстным собирателем всевозможных баек, он тут же записал ее в свой полевой блокнот, с которым никогда не расставался. Пообещав, что обязательно использует в какой-нибудь из будущих книг.⁶

⁶ Отчасти схожий эпизод появится в романе Ю. Семенова «Семнадцать мгно-

Отсмеявшись, Михаил Васильевич катнул в сторону дверь купе и пробасил в коридор:

– Машенька, голубушка! Будьте любезны! Удостоите вниманием двух немолодых, но все еще привлекательных мужчин!

В ответ на призыв заявила проводница. Та самая, что при посадке показалась мне излишне суровой. Теперь ее было не узнать – сама любезность и учтивость.

– И чего желают двое привлекательных мужчин? – кокетливо поинтересовалась железнодорожная стюардесса.

– Они желают слегка злоупотребить. По этой причине просьбишка: нельзя ли организовать нам в каюту две порции какого-нибудь зеленого салатика и три... нет, лучше четыре, бутылочки боржому. Только холодненького. И две рюмочки. Если нет хрустальных, можно обычные.

– Хорошо, салат и боржом. Что-то еще?

– Владимир Николаевич, у вас будут иные просьбы-пожелания?

– Пожалуй, нет. Разве что хлеб.

– О! Золотая голова! Машенька, и хлебушка. Кусочков... А, просто буханку принесите.

– Поняла. Рюмки сейчас организую, а потом дойду до буфета.

– Чудесно. А это вам за хлопоты.

Михаил Васильевич сгреб со стола шампанское и шоко-

ладку и сунул проводнице.

– Ах, ну что вы?! – показно заалела та. – Вы меня балуете!

– Разве вы не в курсе, Машенька, что женщина именно для баловства и создана? Для баловства и для отдохновения воина. А все остальное, как говорил герр Ницше, есть дурость.⁷

Проводница отправилась за рюмками, а Михаил Васильевич тем временем ловко свернул голову «Аисту». По всему, ночка обещала быть нескучной.

* * *

Сна и так не было ни в одном глазу. А тут еще кроватная панцирная сетка, растянутая временем и задницами бывших ночлежников до состояния гамака, реагируя на малейшее движение, скрипела как последняя сволоочь.

Промаявшись часа полтора, Барон поднялся, нашарил в темноте ботинки, обулся и, подсвечивая себе спичками, тихонько прошел в сени.

– С крыльца не мочись. Ходи в уборную! – ухнуло в тишине сварливое хозяйкино.

– Не волнуйтесь, мамаша. Я только покурить.

– А коли курить, бычки потом где попало не разбрасывай.

⁷ Михаил Васильевич вольно трактует цитату Ницше из книги «Так говорил Заратустра»: «Мужчина должен воспитываться для войны, а женщина – для отдохновения воина; все остальное есть глупость».

– Будет сделано.

Барон скинул дверной крючок, толкнул дверь и вышел на крыльцо.

Ночь была безоблачной и непривычно для этих мест светлой. Такие в Ленинграде обычно стоят в августе, служа напоминанием о недавних белых ночах.

– Дверь! Дверь-то кто за тобой закрывать будет?! Сквозняк гоняешь, ирод!

– Пардон, мадам.

Хозяйку звали Гертрудой Генриховной. «Стерва редкостная. За трешник удавится, но за червонец разместит красиво. Как в „Астории“, даже лучше», – так охарактеризовал свою тещу Валера.

Парень и сам оказался не промах. Таксисты, они ведь еще и неплохие психологи. Неудивительно, что Валерка, стартовав от Егошихинской дамбы и не получив новых инструкций от явно удрученного чем-то богатого клиента, повез того прямиком в ресторан. Причем не абы какой, а расположенный всего в двух кварталах от таксопарка. И пока клиент густо запивал горе горькой, быстренько сдал машину, помылся, переделся и прискакал туда же. Резонно рассчитывая на халявное угощение.

Барон этот нехитрый фокус раскусил, но вида не подал – заказал еще графинчик, присовокупив щедрый закусок. Очевидных знакомцев у него в Перми не имелось, а потому вопрос с ночной перекантовкой проходил по разряду

актуальных. Конечно, на крайняк можно было пойти по пути наименьшего сопротивления и сунуться в гостиницу. Но светить ради одной ночевки документы и рожу в казенном учреждении не хотелось. Мало ли что. Особенно в свете задуманного завтрашнего. В общем, таксист с его частной домовладелицей тещей подвернулись как нельзя кстати.

В итоге, основательно выпив и закусив, случайные знакомцы покинули ресторан и неспешным пешочком прогулялись до уже известного Барону домика. Торговались недолго – червонец и в самом деле произвел на Гертруду Генриховну действие сродни магическому. На том и расстались. Договорившись, что завтра, к одиннадцати утра, Валера подскочит за Бароном и отвезет в центр.

В цветнике сыскалась небольшая скамеечка. Барон опустился на нее, закинул ногу на ногу и задымил в ночь. Вот только табачный дым все равно не мог перебить аромата вплотную подступающих к скамеечке кустовых роз. Тех самых, что нынче осиротели на букет, оставшийся в руках у изумленной Ольги. Но, странное дело, вовсе не к сестренке, встреча с которой вместо запланированного жизнерадостного мажора обернулась душераздирающим минором, были сейчас обращены тягостные думы Барона. Из головы не выходил Самарин. В отношении которого требовалось принять некое решение. И если еще этим утром Барон был по-прежнему настроен валить крысу, то теперь в душе поселились

сомнения. И в своей недавней кровожадной решительности он уже не был столь категоричен.

Во-первых, это только на словах просто. Валить.

Нет, конечно, лишить человека жизни как раз нетрудно. Но вот осознавать, что тем самым ты автоматически вписываешься в потенциальную расстрельную статью, мягко говоря, некомфортно. Это только молодым неопытным бакланам, напрочь лишенным привычки задумываться о последствиях, все нипочем. Да и то... Однажды в Вологде Барон присутствовал на сходняке, на котором шумно обсуждали беспредел одного зарвавшегося уркагана. Молодые шумели, волновались: «Беспредел! Валить его, козла, надо!» Тогда местный авторитет Сыч оборвал базар всего одной фразой: «Валить, говорите? Хорошо. А кто валить-то будет? Кто больше всех горланил? Ты и будешь валить! Или передумал уже?!» И сидел потом самый горластый тихо-тихо, засунув язык в задницу.

А во-вторых... Теперь, когда Барон воочию убедился, что Ольга жива и здорова, насколько оправдана будет его возведенная в абсолют месть? В самом ли деле заслуживает дядя Женя, по совокупности всех совершенных в отношении членов семейства Алексеевых подлостей своих, лишения жизни? Не правильнее ли оставить этого почти старика в покое и наедине с угрызениями совести? Ежели таковые, конечно, в нем обитают. Бог ему, как говорится, судья. Вот только...

Бог-то бог, но и сам бы помог. Оставить все, как оно

есть, – значит, простить. Но он, Юрка Барон, не простил Самарина. Никогда не простит и не забудет.

Потому что ТАКОЕ невозможно забыть и простить.

Ленинград, февраль 1942 года

– Кто? – напряженно отозвался на Гейкин условный стук (бум – пауза – бум-бум-бум) хриплый голос.

– Бабай, это я.

– Кто я?

– Да Гейка же! Открывай.

Щелкнули замки, брякнула цепочка.

Дверь со скрипом приоткрылась, из-за нее высунулась голова мужика. Мало того что неприлично мордастого, так еще и без шапки. «Неужели у них в квартире так тепло?» – поразился Юрка, отводя глаза от неприятного изучающего взгляда.

– А это что за доходяги?

– Со мной. К Яковлевичу. Он в курсе.

Мужик не сразу, но распахнул дверь, и окоченевшая троюшка шагнула в темную прихожую. Внутри и в самом деле оказалось тепло. С подобной nepoзвoлитeльнoй роскошью – отапливать ВСЮ квартиру – нынешней зимой Юрий столкнулся впервые.

Снова скрип и щелканье замков. И от этих звуков Ольга испуганно прижалась к брату.

– Ждите здесь, – отрывисто бросил мужик и, протопав по коридору, скрылся в дальних комнатах.

– Юра! Какой дядька страшный!

– Цыц, ты!.. Гейка, а это кто? Родственник?

– Это Бабай. Он у Яковлевича навроде ординарца.

– Бабайка? Тот самый? Из сказки?

– Я же тебе сказал – помолчи! – Юрий сердито одернул сестренку за рукав.

– Хорошо. Помолчу. Только ты меня больше так не дергай – больно.

Через пару минут из глубины квартиры показались двое – Бабай и всемогущий, если верить рассказам Гейки, Марцевич. Здесь «всемогущий» – от «могущий достать всё». Не за красивые, разумеется, глаза.

Марцевич был невысок, поджар и кривоног. Голова, словно у ужа, – маленькая, лысая, с желтыми бегающими

глазками. И хотя смотрели эти глазки приторно-ласково, угадывались в них раздражение и недовольство. Последнее, судя по всему, было связано с визитом в святая святых незнакомцев.

– Анатоль Яколич! – считав сокрытое, заторопился-затараторил Гейка. – Это Юрка, про которого я вам рассказывал. Помните? Он фамильное *рыжьё* принес. А пацанка – сеструха его. У них бабка умерла, и теперь малолетку не с кем дома оставить.

– Сочувствую. Ах, война-война! – Марцевич сокрушен-

но поцокал языком. – Сколько же ты всем принесла горя! А сколько принесешь еще... Ну?

Хозяин квартиры вопросительно уставился на Юру.

– Доставай! – пихнул парня в бок Гейка.

– Ах да. Сейчас.

Порывшись за пазухой, Юра извлек на свет толику фамильного наследства. Не без опаски засветив покупателю, пояснил:

– Сережки золотые с камушками рубиновыми. А к ним цепочка, тоже с камушком. Бабушка говорила: конец прошлого века.

– А бабушка при жизни слыла специалистом?

– Как это?

– Ладно, проехали.

Марцевич небрежно подмахнул ювелирку, явив холеную, ухоженную ладошку и идеальную чистоту под ногтями, и удалился в свои покои, оставив гостей под присмотром Бабая.

– А... э-э?

– Стой ты, не дергайся, – осадил Гейка. – Ему надо на свету́ это дело посмотреть. И в лупу специальную. Такую, знаешь, которая прямо в глаз пихается?

– Юрка! А зачем ты этому дядьке противному мамины сережки и цепочку отдал?

Бабай сердито зыркнул на девочку, и Юрий зашипел:

– Между прочим, кто-то обещал молчать?

– Ну и пожалуйста. Буду молчать. Только учти! Вот вернутся мама с папой с Северного полюса, всё им будет сказано-рассказано.

Хозяин возвратился нескоро, но зато с двумя банками тушенки.

– Это за серьги. – Анатолий Яковлевич вручил Юрке банки. – А это за цепочку. – Марцевич достал из кармана кацавейки похожую на миниатюрные бусы связочку вяленых сметков и, пресекая возможные возражения, уточнил:

– Цепочку беру исключительно за парность комплекта. Надеюсь, мы в расчете?

– В расчете, – буркнул Юрка, пряча сокровища в отцовский, еще времен Империалистической, вещмешок.

И здесь, неожиданно для всех, в торги вступила маленькая Олька. Расстегнув верхние пуговички облезлой шубейки, она достала из-за пазухи любимую игрушку – маленькую резиновую овечку.

– Дяденька, а мою овечку не возьмете? За хлебушек?

– Спасибо, девочка. Оставь себе, – покачал головой Марцевич и, демонстрируя широту натуры, протянул Ольге засохшую карамельку.

И тут девочка удивила всех вторично: посмотрела на благодетеля насупленно и упрямо помотала головой.

– Значит, не такие уж мы и голодные, – показно вздохнул Марцевич. – Что ж, молодые люди, я вас больше не задерживаю. Всего доброго. Да, если вдруг поскребете по сусекам и

сыщете еще что-то фамильное – милости просим. Вот только приходиться сюда больше не нужно. Отдадите вот ему – он все сделает. Кстати, Гейка, задержись. Ты мне нужен.

Бабай снова взялся орудовать хитроумными замками. Открыв дверь, он сперва опасливо выглянул, осмотрелся и лишь тогда кивком головы указал гостям на выход. Юрий взял Ольгу за руку и вывел на лестничную площадку.

И снова щелканье замков. А следом – донесшееся из-за двери приглушенное, выговариваемое:

– Я ведь, кажется, неоднократно просил не приводить сюда своих дружков?! Да еще с детским садом!

Брат и сестра стали осторожно спускаться по обледелым ступеням.

– Олька! Ты почему конфету не взяла?

– Потому что дядька – плохой.

– Вот и надо было забрать у него конфету. Пусть лучше хороший человек съест.

– А хороший – я, что ли?

– Ты-ты. Кто ж еще?

– Ур-ра!

Юрка вдруг резко затормозил и прислушался. Судя по звуку шагов, кто-то, тяжело пыхтя, поднимался по лестнице им навстречу. И этим кем-то оказался тот, кого он меньше всего ожидал сейчас встретить. Дуля – кореш Гейки, которого тот две недели назад так жестоко отметелил на Чернышовом мосту.

– Здравствуй, – машинально поприветствовал Юрка.

– Здоровее видали, – огрызнулся Дуля, шествуя мимо.

Преодолев еще два лестничных пролета, он остановился и заколотил кулаком в дверь Марцевича. Всё тем же условным стуком.

«Интересно, а ему-то здесь что понадобилось?»

– Юр, а мы сейчас к Лёле в гости?

– Да.

– Надолго?

– Не знаю. Смотря как примут.

– Я, конечно, хочу пойти к Лёле. Но немножечко боюсь туда идти.

– С чего вдруг?

– Они возле Волкова кладбища живут. Значит, там волки бегают.

– Не бойся. Больше не бегают. Давно съели всех.

– А разве волки вкусные?

– Да уж наверняка повкуснее крыс. Всё, помолчи немножко, ладно? У меня от твоей болтовни голова болит.

– Сам говорит, что я хорошая. А у самого голова болит, – обиделась Ольга. Но тут Юра сунул ей за щеку крохотную сушеную рыбку, и обида на брата тотчас улетучилась. С одной стороны, девочке было очень жаль маминых сережек и цепочки. Но с другой – до чего же вкусный зверь. Этот самый снеток.

В мирное время путь от Садовой до Растанной занял бы не более часа. Но сегодня на него ушли все три. Мало того что и так плелись по сугробам нога за ногу, так еще и на подходе к Лиговке застала воздушная тревога. Пришлось укрыться в ближайшем бомбоубежище.

Последний отрезок пути дался Ольге особенно тяжело. От слабости девочку буквально шатало из стороны в сторону, и Юрию приходилось постоянно подхватывать ее, удерживая в состоянии хрупкого равновесия. Каждый шаг давался с трудом, а в мозгу колотилось одно: «Только бы не упасть. Главное – не упасть». Хорошо, что квартира Самариных располагалась на первом этаже. В противном случае у Ольги не достало бы силенок подняться. И не факт, что Юрка, сам вымотавшийся донельзя, сумел бы втащить ее по ступенькам наверх.

Но вот наконец и заветная парадная.

Они справились, дошли...

* * *

– О боже! – всплеснула руками Самарина, открыв на отчаянный мальчишеский стук и обнаружив стоящих на пороге детей. – Юра! Оленька! А закоченевшие-то! Откуда вы?

Юрка облегченно выдохнул. Страшно подумать, чтобы с ними случилось, если бы Самариных не оказалось дома. Возвратиться к себе, на Рубинштейна, брат и сестра были уже не

в состоянии. Хоть ложись прямо здесь, на лестничной площадке, и помирай.

– Здравсьте, тетя Люся. Мы из дому. А по дороге еще и крюка пришлось дать. По одному важному делу.

– Заходите скорей! И дверь, дверь закрывайте! А то квартиру выстудим, а у нас Лёлочка больная лежит.

Вот и оно, вожаделенное тепло. Конечно, не Африка, как у Марцевича, но все равно здесь много теплее, нежели на стылом, пробирающем до костей уличном морозе.

Самарина на ощупь отыскала в прихожей спички, зажгла лучину и Юрка поразился увиденному: в мирной жизни красавица и модница, тетя Люся мало того что пугающе отекала и почернела лицом, так еще и была с ног до головы закутана в какие-то немыслимые хламы. И это она! «Королева советского трикотажа», как некогда подшучивал над супругой дядя Женья.

– Тетя Люся!

– Что, Оленька?

– А чем Лёлька заболела?

– Ох, милая. Тем же, чем и все. Одна у нас нынче болезнь. Блокадная.

– Ничего, доктор полечит, и все пройдет, – авторитетно успокоила Ольга. – А у нас для Лёльки сюрприз есть. Юрка, покажи!

– Да погоди ты со своими сюрпризами! – насупился Юрий, и Самарина, угадав в его голосе недоброе, тревожно

спросила:

– Что-то случилось? С бабушкой?

– Умерла бабушка.

– Когда?

– Позавчера. Я ее на Кирпичный завод отвез.

– Ох вы мои бедные!

Самарина обхватила, прижала Ольгу к себе и до боли прикусила губу, чтобы не зарыдать в голос. Но все равно в черных уголках ввалившихся глаз выступили слезинки.

– Теть Люсь! – виновато забормотал Юрий. – Тут такое дело... Я бы сам ни в жисть, но я слово бабушке дал. Понимаете, она просила, если с ней случится что-то плохое... В общем, чтобы мы к вам пошли.

– И правильно сделали! – Самарина утерла рукавом слезы и решительно взяла Ольгу за руку. – Пойдем, милая. Я тебя к Лёльке на кровать, под одеяла засуну. Будете друг дружку греть. А ты, Юра, обожди здесь. Я быстренько.

Тетя Люся повела Оленьку в детскую, а обессиленный Юрка опустился на пол и привалился спиной к вешалке. Стянув рукавицы, стал растирать распухшие от мороза ладони и пальцы.

Через пару минут Самарина возвратилась.

– Всё, Юрочка, Ольгу я устроила. А теперь займемся тобой.

– Людмила! Что там, черт возьми, происходит?! Кто пришел?! – донесся из кухни раздраженный голос дяди Жени.

Оказывается, глава семьи в этот час тоже находился в квартире.

– Жень, ну что ты кричишь? В конце концов, мог бы сам выйти и посмотреть! Ох, Юра, горюшко ты мое, руки-то совсем отморозил! Идем скорей к буржуйке отогреться.

– Теть Люся! Вы меня, наверное, не так поняли? Бабушка, она... она хотела, чтобы мы с Ольгой остались. У вас пожить. Я ведь теперь в железнодорожных мастерских работаю. А Ольга одна боится в квартире долго быть.

– Я все прекрасно поняла. Разумеется, вы останетесь у нас.

– Что такое?! – из кухни выкатился возмущенный Самарин и сурово выпучился на супругу. – А поставить меня в известность уже обязательно?

Из рассказа бабушки Юрий знал, что Самарина не взяли на фронт якобы по причине целого букета заболеваний. Однако сейчас, сугубо визуально, дядя Жень выглядел много лучше супруги.

– Здравствуйте, – выдавил этикетное Юрка, но Самарин не обратил на парня ни малейшего внимания, продолжив негодующе сверлить глазами жену.

– Людмила, я требую объяснений! Что значит «останетесь у нас»? У нас тут что – ночлежка, приют? А кормить этих сиротинушек тоже мне прикажешь?

– Кормить нас не нужно. У нас свои карточки имеются. И еще вот... – не слушающимися пальцами Юрий развязал

вещмешок и достал банку тушенки. – Это на всех.

Вот теперь Самарин удостоил гостя своим вниманием, и Юрка взялся обосновывать обоюдовыгодный интерес:

– И дрова у нас свои. Нам в мастерских каждый день, после смены, по две дощечки выдают. От вагонов разбомбленных. И дома, на Рубинштейна, еще полно книг осталось. Толстых.

– Никаких на всех! Юрий, спрячь сейчас же банку! – приказала тетя Люся и укоризненно посмотрела на мужа. – Женья, как тебе не стыдно?

– Интересно, и за что мне должно быть сейчас стыдно? А впрочем... – Самарин театрально развел руками. – Поступай как знаешь. Вплоть до того, что можешь пойти на улицу и привести сюда еще десяток человек. Ты же у нас альтруистка.

– ПРЕ-КРА-ТИ немедленно! Слышишь?

– А что? Неплохо быть такой вот «туристкой», – по давно заведенной привычке дядя Женья не мог допустить, чтобы последнее слово оставалось не за ним. – Особенно когда зарабатываешь не сама.

Произнеся эту тираду, Самарин возмущенно прошествовал обратно на кухню – и в прихожей повисла тишина. Людмиле было стыдно за супруга, а Юрию – за то, что они создали Самариным дополнительные проблемы. Кабы не Олька, после такого выступления дяди Жени он ни за что бы не остался в этой квартире. Вернулся бы как-то домой, плевать,

что нечеловечески замерз и устал. Но вот сестра...

– Ты, Юра, не обращай внимания. И, пожалуйста, не сердись на него. Это он не со зла. Просто... просто у дяди Жени в последнее время нервы сдают. Он очень переживает: и за нас с Лёлочкой, и за то, что с эвакуацией никак не складывается.

С этими словами Самарина ласково приобняла парня за плечи:

– Идем. У меня как раз и кипяточек поспел.

Делать нечего – Юрка покорно поплелся за тетей Люсей.

* * *

Барон сидел на скамеечке в саду, смолил одну за другой и покачивал ногой в такт невеселым мыслям. Минуты текли, а решения не было. Не складывалось. Самарин никак не выходил из головы, сидел в душе болезненной свербящей занозой.

С одной стороны, казалось бы, да и наплевать. Шут с ним. Но с другой – такое ощущение, что если эту занозу не удалить, то его персональная, Юрки Барона, совесть так никогда до конца и не очистится. Не факт, что на Страшном суде сие зачтется. Но, если уж и кидать понты, то разве что перед самим собой. А все остальные варианты суть есть позерство и грубая дешевка.

Ленинград, февраль 1942 года

Дверь открыл Самарин и посмотрел на Юрку так, что парень сразу понял – случилось что-то страшное. В подтверждение мелькнувшей догадки из дальней комнаты донеслись приглушенные рыдания тети Люси.

– ЧТО?!

– Лёлочка померла, – прохрипел Самарин.

– Как? Когда?

– Как ты ушел на работу, девок будить стали. Твоя проснулась, а нашу... вишь, не добудились. – На физиономии дяди Жени обозначилась гримаса досады. – Ч-черт! Черт! Один день! Всего один только день!!!

– Какой день?

– А такой! – Самарин достал из внешнего кармана телогрейки какую-то бумажку и затряс ею перед самым носом парня. – ВОТ! Только вчера получил-таки! Да куда там получил? Зубами выгрыз!!! А уж сколько я им за ради этой бумажки мануфактурного товару перетаскал?! У-у-у!!!

– Что это?

– Разрешение на выезд. Пропуск на троих, – дядя Женья развернул бумагу и с плохо скрываемым сарказмом зачел: – Явка на пункт эвакуации к 9:00. Взрослых – двое, несовершеннолетних – одно лицо.

Только теперь Юрка заметил, что в коридоре появились узлы и чемоданы. Еще утром их здесь не было. «Значит, все

равно уезжают», — кольнуло в мозгу завистливое.

— А Ольга где?

— Там. В детской.

— Она... знает? Про Лёлю?

— Нет. Люська наплела ей что-то про... — Самарин презрительно скривил губы. — Про спящую красавицу. Которую лучше пока не будить, а то сказка испортится. Тьфу! Сказочница, блин!

— А Лёлю... ее... уже?..

— Днем дежурная труповозка квартал объезжала. На Пискаревку свезли.

— Можно, я к тете Люсе зайду?

— Да иди ты куда хочешь, — отмахнулся дядя Женя и, грузно протопав на кухню, загремел створками шкафчиков...

* * *

Юрка и тетя Люся вышли из комнаты в прихожую в тот момент, когда Самарин затягивал ремнями последний чемодан.

— Люсенька! Ну как ты?

— Что?

Жена посмотрела на него отрешенно, непонимающе.

— Я говорю: отошла немного?

— Да... Нет... Не знаю... — Самарина мучительно потерла виски, собираясь с мыслями. — Завтра Оля поедет с нами.

– А-а-а... Э-э-э-э... В каком смысле «поедет»?

– Поедет с нами как наша... Вместо нашей...

Ее голос предательски задрожал, ибо язык решительно отказывался закончить страшную фразу.

– Можно, дядя Женья?! – умоляюще вскинулся Юрка. – Лёльку... ее уже не вернуть. А у вас... пропуск пропадает.

– Та-ак! Интересно, и чья это была, с позволения сказать, идея?

– Моя, – коротко ответила жена.

– Очень сомневаюсь... Что, пацан, решил воспользоваться ситуацией? На чужих костях счастье построить?

– Женья!

– Я уже 37 лет как Женья! – огрызнулся Самарин. – Я всё понимаю, Люся: у тебя беда, несчастье...

– У меня?

– Не цепляйся к словам. Разумеется, у НАС беда. Отсюда твоя временная неспособность адекватно оценивать реальность. Но! Очнись, Люся! Ты сама понимаешь, что предлагаешь?

– Да. Понимаю. Я предлагаю спасти ребенка.

– Не просто ребенка, а дочь врага народа.

– Наш папа не враг! – вспыхнул Юрка.

– А тебя сейчас вообще никто не спрашивает!

– Женья, не кричи, пожалуйста, – тихо попросила Самарина. – Завтра Оля поедет с нами. Я так решила. В противном случае ты поедешь один.

После этих слов, давших ей с невероятным усилием, тетя Люся развернулась и ушла обратно в комнату.

— Ну что, доволен, гаденыш?

Юрка проглотил «гаденыша» (теперь не до личных обид) и сменил тактику:

— Дядь Женя! Пожалуйста, возьмите с собой Ольку. А я... я вам за это... Я и за квартирой присмотрю, а еще... Я вам заплачу.

— О как? И чем же, позволь спросить? Дровами? Так они нам теперь без надобности.

— Нет, не дровами, — отчеканил Юрка.

Он снял с вешалки бушлат и начал одеваться.

— Ты куда это намылился?

— Скоро вернусь.

От дома Самариных до главных ворот Волкова кладбища всей ходьбы-то — пять минут. Но пока вусмерть усталый после смены Юрка до них дотащился, пока по кромешной темноте отыскал могилу купца первой гильдии Боярышников, пока разбирал крепко схваченную льдом каменную кладку, чтобы добраться до тайника, прошло не менее получаса.

Убедившись, что упакованные в два слоя скатерти, а затем для верности еще и в рогожу, тетради деда Гиля покамест более-менее сносно переносят «зимовку», он возвратил их на прежнее место, а вот мешочек с фамильными драгоценностями забрал. После чего тщательно сложил камни в

прежнем порядке и, окончательно заоченевший, побрел обратно, стараясь ступать след в след. По уму, следовало их замести, чтоб не выказать своего интереса к данной конкретной могиле. Но сил уже не было, и Юрка решил, что эту работу за ночь за него довершит поземка...

Дядя Женя встретил его, будучи исключительно заинтригованным. Негнувшимися пальцами Юрка достал из-за пазухи мешочек и, не скрывая презрения, протянул Самарину:

– Вот.

– Это чего?

– Оплата. За Ольгин билет.

Дядя Женя с интересом потянул шнурок, ссыпал содержимое в пухлую ладонь, и в глазах его блеснули алчные искорки.

– Откуда это у тебя? Надеюсь, не ворованное?

Юрке и хотелось взорваться, но он понимал, что сейчас хозяина положения лучше не злить.

– Это бабушкины и мамины. А значит – теперь мои и Ольгины.

– Хм... А перстень с печаткой? Отцовский?

– Дедов.

– И не жалко с таким богатством расставаться?

– Золото, конечно, блестящее, только на вкус – так себе, – копируя Гейкину интонацию, процедил Юрка.

В следующую секунду из детской комнаты выскочила кутаная-перекутаная Ольга и бросилась к брату.

– Ур-ра! Юрочка пришел! Ой, какой ты холоднющий! А знаешь, что Лёлька придумала? В спящую красавицу играть. Представляешь?.. Мы с ней по очереди будем: сначала она немножко поиграет, потом я... потом обратно она...

Тем временем Самарин, оглянувшись – не вышла ли следом и супруга, – торопливо переместил содержимое мешочка в карман телогрейки...

Оставить все, как оно есть, – значит, простить? Нет уж, дудки! Валить гниду! Раз уж с самого начала решил – ПО СЧЕТАМ – так тому и быть.

Эй ты, небесный официант! Счет!

Рассказывает Владимир Кудрявцев

– ...Да, Николаич, потрепала тебя война. И презрительно.

– Маленькое уточнение: не меня одного. Всех потрепала.

Третий час ночи – и ополовиненная вторая бутылка коньяка. Мы с Васильичем давно перешли на «ты» и, скулив наличные папиросы, добрались до моего блока болгарских. Поначалу еще выходили дымить в тамбур. Но потом припустили стекло окна и взялись смолить не отходя от кассы. Языки, понятное дело, заплетаются.

– Тоже верно. Так ты, выходит, из петрозаводских будешь? Онежич?

– Точно так.

– Однажды отец Онуфрий, обходя окрестности Онежского озера, обнаружил обнаженную Ольгу, – хитровански заокал попутчик. – Обомлел отшельник, оторопел...⁸ А вот я коренной питерец. Закончил в Ленинграде среднюю школу, хотел стать летчиком.

– Почему не стал?

– Не прошел медкомиссию.

– Эге ж. Получается, мы с тобой одинаково небрежны?

– В смысле?

– Я тоже хотел. И тоже не прошел. Сказали, с сердцем чего-то не того. А что именно, до сих пор не знаю.

– Во-во, у меня точно такой же случай. И тогда я поступил в артиллерийское училище. На улице Воинова. Знаешь?

– Знаю.

– Закончил с отличием, и комбриг Тихонов мне говорит: «Оставайся. Командиром взвода будешь». А это престижно было – остаться в училище. Но я отказался.

– Что так?

– Примерно за полгода до того старший брат Иван привел в дом жену, и мне банально жить стало негде. Вот я и решил поехать куда-нибудь на периферию. А комбриг обиделся: «Раз отказываешься, мы тебя пошлем, куда Макар телят не гонял». И меня приказом распределили в село Никольское.

⁸ Попутчик Кудрявцева цитирует одну из популярных тавтограмм (литературная форма, в которой все слова текста начинаются с одной и той же буквы).

– Это которое под Гатчиной?

– Это которое под Уссурийском.

– Ой-йо!

– Во-во, дыра страшная. Но как раз в это время комиссия из ГлавПУРа набирала людей в разведку. Меня тоже вызвали и сказали: «Вы нам подходите, поскольку физически развиты и учитесь хорошо». Я тогда молодой был, дурной, вот и согласился.⁹ Попал в Центральную школу подготовки командиров штаба в Москве. Обучался там... хм... Ну, учитывая, что ты у нас мидовец, тебя это вряд ли шокирует.

– Я уже забыл, когда меня в последний раз что-нибудь понастоящему шокировало.

– Короче, обучался агентурной разведке. Знакомо такое словосочетание?

– Слышал.

– В первую очередь, конечно, учил язык. Основным был немецкий. Рядом со мной сидел такой Карл, из шюцбундовцев¹⁰, вот он-то меня обучал диалектам. Но и преподаватели, само собой, экстра-класса. Включая бывшего помощника военного атташе в Германии полковника Рыбалко – буду-

⁹ В рассказе попутчика Кудрявцева частично использованы факты из биографии профессионального разведчика, ветерана ВОВ, генерал-майора Михаила Васильевича Березкина, с которым А. Константинову в свое время посчастливилось познакомиться и обстоятельно побеседовать... Михаил Васильевич ушел из жизни 20 января 2017 года, не дотянув два года до столетнего юбилея.

¹⁰ «Шюцбунд» – прокоммунистическая военизированная организация, разгромленная в Австрии, после чего многие ее участники выехали в СССР.

щего маршала бронетанковых войск. Замечательный, я тебе скажу, дядька был.

– Я тоже только хорошее о Павле Семеновиче слышал.

– Жаль, рано сгорел. Всего три годика после войны протянул. По окончании школы распределили меня в 91-й погранотряд Киевского особого военного округа. Тогда при каждом погранотряде свои разведпункты действовали.

– И чем занимались? Если не секрет?

– Вели разведку. Каждый на своем направлении. В основном, конечно, работали с перебежчиками. С невозвращенцами. От них узнавали обстановку на той стороне.

– Разумно.

– Еще бы! Я тебе, Николаич, так скажу: кто-то шибко умный эту систему придумал. Нам ведь, по сути, не нужна была никакая охрана – нас прикрывал погранотряд. А замначальником нашего разведпункта перед войной назначили капитана Лукина. Он тоже ленинградец, так что мы быстро сошлись. На почве землячества. Хотя по сравнению с ним, с его-то профессиональным опытом, я был тогда безоговорочным салагой. Притом что по факту – почти ровесники.

– Я так понимаю, испанский опыт?

– Бери выше. Лукин – бывший наш нелегал, некогда посланный в Польшу. Но потом его провалил связник, сука такая... Поляки приговорили Сережу к смертной казни. Но так случилось, что день приведения приговора в исполнение выпал на местный День конституции. В честь праздника Луки-

ну смертную казнь заменили на пожизненное, но его жена, Тина, получила извещение о том, что супруг погиб в боях за Родину.

– Жуть какая.

– Не то слово, учитывая, что вскоре, так оно сложилось, Тина снова вышла замуж. А в 1939 году, после раздела Польши, Лукина освободили. Он приехал домой, к Тине, а та замужем за другим. Представь ситуацию?

– Хреновая ситуация.

– Согласен. Тем не менее Тина сразу решила вернуться к нему. Вот такая, понимаешь, любовь. С большой буквы «Л». Вот за нее, в смысле за настоящую любовь, я и предлагаю выпить. У тебя-то, Николаич, была такая? Чтоб настоящая?

– Была. Правда, недолго.

– Если настоящая, то и недолго – в зачет. Давай вздрогнем. Proxit?

– Proxit!..

Мы выпили и снова закурили. Как ни странно, башка продолжала оставаться условно-ясной. По крайней мере, мне так казалось. На руку мне сыграло и то обстоятельство, что убойная доза коньяка окончательно развязала язык моему еще до того изрядно принявшему на грудь попутчику. А в подобном пьяном диалоге всегда лучше быть ведомым, нежели ведущим. Чтоб не сболтнуть лишку. К тому же судьба Михаила Васильевича интриговала необычайно. Я даже решил по возвращении поднять в архивах его личное дело.

Хотя фамилию свою тот уклончиво не называл, зато оставил в рассказе столько реперных точек, что вычислить пенсионера не составило бы труда.

— К весне 1941-го обстановка на границе накалилась до предела. Немецкие самолеты регулярно залетали на нашу сторону. Под видом перезахоронений работали немецкие комиссии, вели разведку. Наши пограничники, не будь дураки, почувствовали, к чему все идет, и начали потихонечку отправлять семьи в Россию. Тот же Сергей свою Тинку, вторым дитем беременную, успел в Москву спровадить.

— Повезло.

— Можно и так сказать. А у Лукина на той стороне был хороший резидент — польский офицер, женатый на немке. Он был вхож к немцам, которые в это время проводили маневры. И вот этот офицер сумел собрать все сведения по этим маневрам, включая карты, и передал их нам. Там были нанесены направления ударов по нашей территории — всё в стрелах. Мы доложили об этом командующему Киевским военным округом, генерал-полковнику Кирпоносу.

— Михаилу Петровичу?

— Слышал о таком?

— В пору финских событий служил у него в дивизии.

— О как? Тесен мир, лишь океан безбрежен.

— И что Кирпонос?

Михаил Васильевич посмурнел лицом.

— Он нам не поверил. А потом, когда началась война, мы

с Лукиным взяли ту карту направлений ударов немцев – всё совпало.

– Я слышал, он потом застрелился?

– Да. Можно сказать, генерал пал жертвой собственного неверия. Цена которому – полмиллиона человек, попавших в окружение.

– Страшная цифра.

– Страшная. Кирпонос попал вместе с ними и застрелился.

– Почему же он вам не поверил?

– Если хочешь знать сугубо мое мнение, он не был достаточно подготовлен. Это не Рокоссовский и не Конев. Совсем другого пошиба человек: как был командиром дивизии, командиром и остался.

– Очень может быть, – согласился я, немало подивившись столь лаконичной, а главное – исчерпывающе-точной оценке.

– Когда война началась, у нас семьдесят процентов личного состава погранотряда полегло, – горько продолжал мой попутчик. – Там стояла еще 41-я дивизия. Она тоже вступила в бой. Мы дрались, и в первые два дня отошли всего на пять километров. Но затем... – Михаил Васильевич вздохнул и снова потянулся за бутылкой. – Для меня тогда начался, пожалуй, самый тяжелый период в жизни. Отход. Всякое разное было – и до, и после. Но это! Да, не бегство – отход. Но все равно – мы шли, пряча взгляд. Стыдно было смотреть

в глаза людям. Знакома такая мизансцена?

– Знакома.

– Сидишь с каким-нибудь колхозником, ешь вместе с ним его суп, а завтра его бросаешь и уже точно знаешь, что придут немцы. Якорь им в задний проход! Да, попутно проводили много всяких операций. Но все больше так, по мелочи. Не было у нас тогда ни средств, ни возможностей. Разве что сорвиголовы *маршрутники*, но много ли можно было сделать с их помощью?.. Ну, давай, Николаич. За тех, кто головы сложил. В самое суровое и самое поганое время войны.

Он был абсолютно честен и прав, этот матерый волчара-агентурщик. Именно так оно в те первые месяцы и было. В августе 41-го фашисты заняли Новгород и Старую Руссу. От них до Боровичей, места моей опальной ссылки, оставалось не более двухсот километров. А у нас на тот момент катастрофически не хватало людей, которых можно было оставить в тылу противника в случае вынужденного отступления.

Да, в свое время нам прислали десять человек потенциальных разведчиков, из которых мы взялись готовить радистов, но не успели завершить подготовку к началу войны. Да и радиостанций «Омега» было всего штуки три. А потом меня срочно отозвали в Ленинград, где я получил назначение на курсы командиров разведывательно-диверсионных групп. Так что моя настоящая война, в отличие от большин-

ства сослуживцев, началась лишь в феврале 42-го. Когда я тоже стал плотно работать с маршрутниками, о которых упомянул мой попутчик.

Маршрутники уходили на какое-то время в тыл к немцам, а потом возвращались. Вот только часто они запаздывали, а еще чаще – не возвращались. В какой-то момент дошло до того, что мне самому пришлось вывести группу на маршрут.

Повезло – вернулись без потерь. Потом еще раз. И еще.

Но постоянно везти не может. В мае, в ходе очередной вылазки, я потерял своих ребят. Всех до единого. Парни погибли героически. Погибли за Родину. А еще – ради того, чтобы я сумел уйти и доставить ценнейшие для командования сведения. И я не мог, не имел права их подвести. И дошел. Хотя без везения снова не обошлось – уцелел лишь благодаря партизанам. Именно тогда я в последний раз увидел живыми Михалыча и Юрку.

– О чем задумался, Николаич?

– Да так, о своем.

– Возвращайся. На прежний галс.

– Слушаюсь! Кстати, все хочу спросить: откуда в твоей речи столько морских жаргонизмов? Судя по твоим историям, ты человек сугубо сухопутный?

– Во-первых, каждый ленинградец по определению не может считаться сухопутным, ибо проживает в морском городе. А во-вторых... В 1956-м меня окончательно раскассиро-

вали из армии на берег. В чине военного пенсионера.

– По болезни?

– Угу. Диагноз: хрущевское слабоумие.

– Понятно. Попал под раздачу.

– Вскоре после будапештских событий. Ну да... Извини, не хочу говорить на эту тему, иначе придется за новой бутылкой дрейфовать... В общем, с годик вел сугубо паразитический образ жизни. А потом знакомые ребята из БМП¹¹ устроили сторожем в Стрельне, при яхт-клубе Кировского завода. Сутки через трое. Вот там-то я... Вишь, как оно вышло: в юности болел небом, а под

старость затянуло-затрало море. Моя старуха меня за идиота держит. А я, веришь-нет, мечтаю собственную посудину построить. Своими руками. Это меня дружок московский заразил. Андрюшка Некрасов, писатель. Знаешь ведь такого?

– Виктора Некрасова знаю. А вот Андрея... А что он написал?

– Якорь мне в глотку! Да «Приключения капитана Врунгеля» же!

– А, слышал. Но не читал.

– Два якоря мне в глотку! Это же лучшее произведение о море! Из тех, что у нас были написаны за последние лет эдак надцать.

– Но она ведь детская?

¹¹ БМП – Балтийское морское пароходство.

– Дюжина якорей мне в глотку! И чего? «Остров сокровищ» тоже детским считается. Что, и его по этой причине не читать?

– Как раз «Остров» регулярно перечитываю. А еще у меня есть приятель, у которого припасен обязательный к произнесению на любой пирушке тост. От капитана Флинта. «За ветер добычи, за ветер удачи! Чтоб мы всех имели, а не иначе!»

– Капитан Флинт никогда не говорил подобной пошлости, – скривился Михаил Васильевич.

– То есть?

– В каноническом тексте Стивенсона действительно произносится тост. Но не устами Флинта, который по сюжету давно мертв, а Джоном Сильвером. Вот только вторая строчка звучит как: «That we became cheerful and have grown rich!» То бишь если в рифму: «Чтоб зажили мы веселей и богаче!» Так что приятель ввел тебя в заблуждение.

– Благодарю за информацию. В следующий раз утру ему нос.

– Утри-утри. Но и «Врунгеля» прочти обязательно. Обещаю – получишь неопишемое удовольствие. Между прочим, Андрюха пару лет назад вошел в состав руководства одного московского яхт-клуба. Можно даже сказать, элитарного клуба.

– И в чем заключается элитарность? Если оставить за скобками отсутствие в Москве достойного для парусов мо-

ря?

Вопрос я задал с плохо скрываемым сарказмом, продиктованным извечным противостоянием и взаимной ревностью двух столиц. Удивительное дело: мой былой ленинградский период жизни длился всего несколько месяцев, тогда как в Москве обретаюсь преизрядно. Тем не менее Питер все равно люблю больше. Неужели все это лишь потому, что в городе на Неве я встретил и потерял Лену? Свою первую и единственную любовь. Ту, что, по определению Васильича, с большой буквы «Л».

– У них в яхт-клубе на балансе десятка полтора трофейных судов. Тех, что раньше принадлежали бонзам гитлеровской Германии. В частности, генералитету Люфтваффе и лично Еве Браун.

– Ого! Тогда вопрос снимается.

– Другое дело, из-за неправильной эксплуатации столичными горе-мореходами большинство судов давно не на ходу. А некоторые и вовсе списаны. Вот одну яхту, из таких вот, списанных, Некрасов и прикупил.

– Воспользовался служебным положением? – снова съязвил я.

– Можно и так сказать, – спокойно подтвердил Михаил Васильевич. – Однако заметь: Андрюха ей полный ремонт сделал. Самолично, на машинке, парус сшил. Восстановил полностью – хоть сейчас в кругосветку. Да только с именем прокололся. Взял и, недолго думая, назвал «Бедой».

– Почему «Бедой»?

– Прочтешь книжку – поймешь. И, представь, уже на третьей вылазке в Москву-реку яхта зацепилась вантами за линию электропередачи судоремонтного завода, вспыхнула и выгорела по ватерлинию. Так сбылось пророчество.

– Какое пророчество?

– Как вы яхту назовете, так она и поплывет.

– Смешно.

– Может, и смешно. Только неоднократно проверено. Работает.

А вот в подобные суеверно-мистические штуки лично я не верю. Хотя в случае с тем же Юркой поневоле задумаешься.

Но – подождем делать выводы. Быть может, предстоящая беседа с Пашкой Яровым позволит снять все вопросы и разложить мистические составляющие этой истории по своим, сугубо материалистическим полочкам.

– Так ты, Васильич, получается, по своим военно-морским делам в Москву наведывался?

– Нет. В этот раз я ездил на встречу со своими. С теми, кто остался. А таких, как ты понимаешь, немного. По давно заведенной традиции на квартире у Тины собирались. Сегодня, вернее, уже вчера, Сереге Лукину полтинник стукнул. Мог бы стукнуть.

– Погиб?

– Пропал без вести. В конце 42-го. А как, при каких об-

стоятельствах, выяснить не удалось. Хотя после войны мы и пытались. Знаем только, что осенью 41-го Лукин попал в плен в районе Луги. Бежал. Прибился к партизанам. Ходил на диверсии. В том числе в одиночку. С последней акции в расположение партизанской базы не вернулся. Это всё.

– Знакомая история.

– К сожалению, да. Только Тинке от того не легче. Двоих детей в одиночку поднимала. Причем младшую, Юльку, Сереге и повидать не довелось. Ладно, это тема грустная. Посему давай лучше, Владимир Николаич, раскидаем эти жалкие остатки и помянем хорошего человека.

– Давай, Михаил Васильевич, помянем. Светлая память.

И мы снова выпили. И снова не чокаясь. И в эту минуту мне подумалось, что, если задаться целью за один присест помянуть поименно всех хороших людей, что встречались на моем пути, нужно будет опустошить бочонок коньяка. Никак не меньше...

Бочонок бочонком, а без откомандирования в вагон-ресторан Машеньки за третьей бутылкой все равно не обошлось. Признаться, я и припомнить не могу, когда в последний раз употреблял спиртное в таких лошадиных дозах. А куда было деваться? Коль связался младенец с морским чертом. «Эй, моряк, ты слишком долго плавал!» Хороший, к слову, фильм. А вот мой шеф, Грибанов, по выходу из просмотровой, помнится, окрестил его «подсознатель-

но рекламирующим западный образ жизни». И забавно было услышать подобное от человека, курящего исключительно «Marlboro».

Стоп! Что-то я не в меру того... уподобляюсь Олегу Михайловичу и ему подобным. Так, глядишь, и сам не заметишь, как по аналогии с тем же джазом договоришься до того, что, мол, сегодня куришь американские сигареты, а завтра – Родину продашь... О! Кстати, сама по себе фразочка не лишена оригинальности. Надо будет ее тоже Юлику Семенову озвучить. До кучи к истории про коньяк и колбасу.

* * *

– ...*Не понял? И что ты хочешь этим сказать?*

– *В общем, я эта... подумал давеча.*

– *Ну-ну! Ты подумал, и тебе понравилось. Дальше что? Вавила, рожай быстрее!*

– *Че-его?*

– *Того! Ночь на дворе, а я человек семейный. Вернусь домой, жена спросит: где шлялся? И как оправдываться стану? Ведь ни фи́га не поверит, что я с дятлом время коротал, а не с какой-нибудь залетной кукушечкой.*

– *А не пошел бы ты, начальник?! Мало того что который год из меня кровь пьешь, так еще и глумишься!*

– *Ну, извини. Машинально с языка слетело. Виноват, был сейчас не прав.*

– Ты, начальник, не сейчас – ты по жизни не прав. Короче, я отказываюсь.

– Та-а-ак... Курс прежний, ход задний. Даже не думай, друг ситный! Тема запущена, люди заряжены.

– Они убьют меня. Если узнают.

– Кто тебя убьет?

– Барон с Хрящом.

– Каким образом, если мы их обоих прихватим на этой хате?! Каждому по совокупности семерик маячит. И это самое малое.

– Все равно. Найдут способ. Перешлют на волю маляву – и привет.

– Да на фигу ты им сдался?! Тем более я уже объяснял: если что, мы и тебя как бы подведем под задержание. Тогда у них и тени сомнения не останется, что палево не по твоей вине. Я и бумагу специальную отстучу.

– Какую бумагу?

– Из местной дежурной части. О том, что сигнал о проникновении в хату поступил от соседей по подъезду. И бумага эта будет засвечена – и Барону, и Хрящу. Сечешь поляну?

– Секу.

– А коли сечешь, чего менжуешь?

– А ты стопудово уверен, начальник, что все именно так и завертится? Как ты мне тут цветными мелками распи-сываешь?

- За точное количество пудов не скажу. Да и уверенность – это лишь полдела. Все остальное – удача.
- 50 на 50 – расклад хреновый.
- Оно как посмотреть. Тебя вон в свое время не очко сгубило, а всего-то двадцать два. Короче, прочь сомнения!.. Молчишь? Прекрасно, молчание – знак согласия. Когда думаешь с Хряцом пересечься?
- Завтра у Валухи, на Маклина, в честь ейных именин гулянка намечается. Может, Хряц там и нарисуетя.
- Во-от! Отличный повод! За чужим хмелем всякое мелем... А что за Валуха?
- Да ты ее не знаешь. Крановищица новая, из «Мутного глаза».
- А, Валька Гуманистка? Знаю, конечно.
- Почему Гуманистка?
- Потому что сменщица ее, тетя Фрося, из расчета на пять кружечек пива две чайные ложки стирального порошка сыплет. А Валька – всего одну... Ладно, Вавила, давай действуй. Завтра хорошенько погуляй на аменинах, а потом сразу мне отзвонись, как оно прошло. С учетом выходных – можешь смело жарить на домашний. Но в пределах разумного. Я к тому, что по ночам имею дурацкую привычку спать...

Глава вторая

– Владимир Николаевич! Просыпаемся!

Кудрявцев с усилием открыл глаза и увидел перед собой лицо проводницы Машеньки.

– Встаем-встаем. Прибыли. Ленинград.

– Как?! А сколько времени?

– Времени – строго по расписанию, – не сдержала ухмылочку проводница. Впрочем, тут же сочувственно добавила: – Я вам минералочки холодной принесла. Это Михаил Васильевич обеспокоился. За ваше самочувствие.

– А где он сам?

– Так ушел уже. Самый первый из вагона выкатился. И, между прочим, как огурчик.

– А, черт!

Кудрявцев спрыгнул с верхней полки, судорожно оделся, после чего скovyрнул пробку боржому и жадно присосался к бутылке. Искренне в эту минуту сожалел, что не озаботился перед отъездом спуститься на этаж к химикам и разжиться антипохмельными таблетками. Секретнейшая, между прочим, разработка. И одна из тех немногих, что не во вред, а исключительно во благо человеку.

– Что, товарищ генерал, морген гутен не бывает?

В дверном проеме купе, насмешливо скалясь, стоял Яровой. Собственную персоною.

– Пашка! Здорово, чертяка!

Старые друзья синхронно шагнули навстречу и крепко обнялись.

Затем, расцепившись, взяли жадно рассматривать друг дружку.

– Забурел! Забурел, командор! Щечки наел, брюшко отпустил!

– Так чем нам, пенсионерам, еще заниматься? Это вам, в генералитете, по статусу положено быть стройными да поджарыми. Хотя, если начистоту, видок у вас, товарищ генерал, неважнецкий. Оно и понятно. – Яровой выразительно скосил глаза на столик. – С двух-то бутылок коньяка.

– С трех. Еще одна, пустая, под полку закатилась.

– Ого! А сколько ж, стесняюсь спросить, было певцов?

– Двое.

– Обалдеть! Не стареют душой ветераны. Да ты, Володька, пей-допивай свою минералочку-то. Хотя в подобном состоянии пиво всяко полезнее. Кабы знал, захватил бы из дома «Жигулёвского».

Допивая боржоми, Кудрявцев продолжал разглядывать Пашу. Время его не пощадило: изъеденное морщинами одутловатое лицо, набрякшие мешки под глазами и обильная седина, почти целиком победившая былую чернь некогда шикарной шевелюры. В довершение к облику – оно, не брюшко, но самое натуральное брюхо. Кудрявцев был старше Ярового на несколько лет, однако в сравнении с ним, да-

же в нынешнем похмельном состоянии, выглядел чуть ли не плейбоем.

– Я пока на вокзал ехал, пытался подсчитать: это ж сколько мы с тобой не виделись? Получается, почти двадцать лет?

– Даже больше двадцати. С января 1942-го.

– Одуреть! Так, ты мне главное скажи: у тебя на сегодня какой распорядок?

– Да, собственно, никакой. Завтра, во второй половине дня, надо к вам на Литейный проскочить. Но это уже перед самым отъездом. А сегодня я в полном твоём распоряжении. Разве что с гостиницей определяюсь.

– Никаких гостиниц! У меня на даче заночуешь.

– Так ты еще и дачник?

– И дачник, и огородник, и садовод, – с гордостью подтвердил Яровой. – А еще автолюбитель.

– Мужчины! Может, вы все-таки продолжите разговоры на перроне? – сунулась в купе проводница. – Состав вот-вот в депо двинется. Мне, конечно, не жалко, но...

– Нет-нет, красавица. Хоть наш бронепоезд и стоит на запасном пути, в депо нам пока не требуется. Володька, у тебя, кроме портфеля, еще какая поклажа имеется?

– Нет.

– Тогда двинули. Машина у меня на кругу. Правда, заранее извиняюсь, что не ЗИМ.

– Переживу как-нибудь. Кстати, портфель я еще в состоянии носить сам.

– Нет уж, дружище! Сделай такое одолжение – позволь раз в жизни за ручку генеральского ридикюля подержаться...

* * *

Как и договаривались, в одиннадцать Валера заехал за Бароном. За десять минут они домчались до вокзальной площади, где и расстались, условившись, что вечером Барон самостоятельно доберется до тещино дома и снова заночует там. К немалому удовольствию таксиста, условие было подкреплено трешкой задатка.

На самом деле при идеальном раскладе Юрий не собирался проводить еще одну ночь в Перми, но, если бы до этого дошло, выбрал бы некий иной вариант ночлега. Валеру же он обнадежил сугубо по профессиональной, с годами выработанной привычке: негоже случайным людям выдавать творческие планы – так и тебе, и им спокойнее будет. Мало ли что? Человек предполагает, а мусора располагают.

За минувшую бессонную ночь в голове Барона сложился окончательный план действий. И теперь он принялся исполнять его строго по пунктам, двигаясь от простого к сложному. Для начала Юрий пошел на вокзал, отстоял в очереди и купил два билета до Ленинграда на прямой поезд: один на сегодняшний вечер, второй – на завтрашний, на тот случай, если все задуманное сегодня совершить не удастся. Затем направился в ближайшую сберкасса, где открыл сберкнижку

на предъявителя и положил на оную восемьсот рублей. Оставив на карманные расходы полторы сотни *рябчиков*. Дальше предстояло то, что посложнее.

Спустившись на набережную, Барон догулял до павильона на шашлычной, с террасы которой открывался изумительный вид на Каму. Несмотря на располагающую к чревоугодию погоду, клиентов здесь было совсем немного, а за стойкой откровенно скучал пожилой кавказец в грязном белом халате.

– Добрый день, кацо!

– Э-э-э... Какое там добрый? – скривился шашлычник. – Савсэм плахой. Да.

– А что так?

– Опять мяса не завезли, да? Звэрьё! Трэтий день выручка – кот нарыдал! Адно название – шашличная. Мэня бы в Тбилиси клиэнты давно самого на шашлик пакрамсали!

– М-да... Сочувствую.

– Вот. Газэту читаю. Щас, – кавказец нацепил на носочки и уткнулся в номер местной «Звезды». – Щас... А, вот. «Пагаловье ската растёт. Благодаря богатым лугам, хорошим кармавым условиям и налычию рек нэподалёку ат пастбищ, Тагильская парода каров палучила ширичайшае распространэние в Челябинской, Пермской и Свэрдловских абластях». Понял, да?

– Не вполне.

– Парода – есть. Распространение – есть. А мяса – нэт. Парадокс?

– Согласен. А что вообще имеется? На зуб положить?

– Пиво есть, да. Свежее. Позавчэрашнэе.

– А посущественнее? Я вон смотрю, народ какие-то биторочки жует?

– Э-э-э-э! – брезгливо отмахнулся шашлычник. – Так вэдэ и мухи тожэ дэрьмо жуют? Кароче – дэло твае, но я не советую. Эти, каторые жуют, они мэстные, привыкшые. А тебэ – не рэкамэндую. Такой маладой, красивый! Тебэ жэншин лубыт нада, а не дристать с газэтой. Правда?.. Я нэ название газэты щас сказал – вапрос!

– Вопрос ребром? – усмехнулся Барон. – Ладно, кацо, считай, уговорил. Давай тогда просто пару пива. Раз уж и в самом деле... позавчэрашнее...

Заказав пиво, Барон вышел на террасу, занял самый дальний столик, положил перед собой вырванный из ученической тетради листок в клеточку, ручку и... задумался. Надолго задумался. В конечном итоге мучительно рожденный небольшой текст обошелся ему в шесть разорванных в клочья тетрадных листков-черновиков, в три, выпитые одна за другой, кружки «позавчэрашнего» пива и в полпачки папирос.

Ольга! Милая, родная моя Олька!

Да, ты не ошиблась. Кровь, сердце и овечка не подвели – вчера, на мосту, это действительно был

я. Твой непутевый брат Юрка. Который все-таки нашел тебя. Нашел, как и обещал тогда, страшной ленинградской зимой 42-го.

Прости, что поиски затянулись на столь огромный срок.

Равно как прости мое паническое бегство. Поверь, у меня имелись на то причины. Какие? Обязательно расскажу, когда буду готов и когда мы встретимся снова. А то, что наша новая встреча не за горами, – это факт. Теперь-то уж я тебя ни за что не потеряю.

Я знаю, у тебя и у твоей... новой мамы сейчас не самые лучшие времена. Поэтому отправляю деньги. Пока немного, но, надеюсь, в скором времени смогу выслать еще. Трать их безо всякого стеснения – они наши. Нашей с тобой оставшейся крохотной семьи Алексеевых – Кашубских. А теперь еще и Воейковых.

Если получится оказия в Москву, обязательно навести деда Степана. Ты, наверное, его не помнишь, но зато помнит он. Помнит, волнуется и любит тебя. Адрес и телефон можно выяснить в справочном, по имени Степан Казимирович Гиль (думаю, он один такой на всю столицу). И еще – обязательно подай весточку в Галич учительнице рисования Ирине Петровне. Она потеряла твои пермские координаты и страшно этим терзается. Кстати сказать, во многом благодаря ей я и смог отыскать тебя. Ирина Петровна – чудесная женщина, ты, Оля, держись ее.

Вот, пожалуй, пока и всё.

До, надеюсь, очень скорой встречи.

Люблю, целую. Твой непутевый брат Юра.

...

Р. С.: Ты стала настоящей красавицей! И удивительно похожа на маму.

На нашу с тобой замечательную и несчастную маму.

21.07.1962.

Полчаса спустя на центральном почтамте Барон вложил тетрадный листок в сберкнижку и отправил ценным письмом на адрес Ольги.

Всё, теперь в Перми у него оставалось еще одно, самое последнее дело.

Убить дядю Женю. Всех делов-то...

* * *

Дача Ярового находилась у черта на рогах – на Карельском перешейке, в поселке Лосево, что в 80 километрах от города. Но место, что и говорить, шикарное: на высоком обрывистом берегу Вуоксы, почти в створе знаменитых порогов. И хотя пороги были созданы не природой, а имели рукотворное происхождение, мощь и стремительность потока не уступала диким порогам сибирских рек.

У Кудрявцева имелись свои, совсем не радостные, но дорогие воспоминания, связанные с этими местами. Воспоминания времен зимней войны. Непосредственно в боях за Кивиниеми – так, на финский манер, назывался в ту пору посе-

лок – Владимир участия не принимал. Но вот двое его друзей входили в состав печально известного десанта, который 7 декабря 1939 года как раз здесь форсировал Вуоксу. Высадка была организована исключительно бездарно: без предварительной разведки, без изучения фарватера и состояния дна, без артподготовки и прочая без. Как результат: до северного берега из девяти понтонов добрались лишь четыре, остальные частью унесло вниз по течению, частью – потопили финны. Высадившиеся на берег бойцы, численностью не более роты, почти все погибли или попали в плен. И всех невернувшихся, как водится, записали в без вести пропавшие...

Переправа, переправа!

Берег левый, берег правый,

Снег шершавый, кромка льда...

– Отличные строчки, – подтвердил Яровой. – Да и вся поэма – в точку. Не добавить, не убавить.

Приятели сидели в саду, за грубо сколоченным столом, заставленным нехитрой холостяцкой снедью, и с высоты наблюдали за тем, как спортсмены-байдарочники сражаются с речными валами.

– А ты в курсе, что Твардовский сочинил их как раз в этих местах? И переправа – вот она, та самая? Точнее сказать, на сотню метров выше по течению.

– Первый раз слышу. А разве он?..

– В Финскую служил военкором. И стихотворение это на-

писал под впечатлением рассказов о декабрьской высадке нашего десанта. Ну а уже после, чутка подработав, вставил в цикл о Теркине.

– Надо же! Век живи – век учись. А ты с ним знаком?

– С Александром Трифоновичем? Да, разумеется.

– И как он тебе? В смысле, как человек?

Кудрявцев задумался, подбирая формулировку:

– Отношение противоречивое. Если коротко: раньше я относился к нему лучше. Теперь, скажем так, есть нюансы.

– Понятно. Знаешь, а мне тогда, в 41-м, в первые месяцы твоей боровичской ссылки-опалы, Иващенко про твои финские подвиги рассказывал. Ты-то, помнится, все больше отмалчивался.

– Да какие там подвиги. Жив остался и причинное место умудрился не отморозить. Вот это, наверное, и было самым главным подвигом. А включили бы меня, как тех же Лёвку с Григорием, в состав этого, будь он неладен, десанта, и – привет. «Этой ночи след кровавый в море вынесла волна»... А Валентин Сергеевич, если не ошибаюсь, летом 42-го погиб?

– В июле. Ехал на совещание к Жданову, в штаб на Благодатной. А тут начался артобстрел, ну и... Эмку шальным снарядом в ключья разнесло. Тело по фрагментам собирали.

– Хотя бы не мучился мужик. Быстрая смерть, легкая... Давай, Пашка, помянем. Всех наших, кто не... Сергеича, Хромова, Савушку.

Яровой раскидал примерно по трети стакана.

Мужчины сдвинули их, помолчав секунду-другую, сосредоточенно выпили, выдохнули в кулаки.

– А про Михалыча так и не прояснилось? Где, чего, как?

– Нет, Паша. Все, что известно на сегодняшний день: в ноябре 42-го он, а с ним еще один партизан ушли в немецкий тыл с особо важным заданием. С которого обратно на базу не вернулись. Может, погибли. Может, в плен попали. Или – еще чего.

В эту секунду некая странная ассоциация мелькнула в мозгу Кудрявцева. Мелькнула, и тут же, махнув хвостом, исчезла. Оставив лишь послевкусие исключительной важности. Владимир мучительно потер виски, пытаясь вспомнить. Но нет. Как пришло, так и ушло. Вот оно, пьянство в формате «от зари до зари», староват он уже для буйных возлияний.

– Ты чего, Володька?

– Да так, накатило... А ведь я, Паша, был в их отряде. Всего сутки с небольшим, но был.

– Да ты что? Когда?

– В мае 42-го.

– И с Хромовым встречался?

– И с ним, и с еще одним тебе знакомым персонажем.

– Это с кем же?

– С Юрой Алексеевым. Сыном... – Кудрявцев сглотнул подступивший к горлу ком и сипло уточнил: – Елены Кашубской.

– Погоди! Я тебя правильно понял? Юра и Хромов были в одном партизанском отряде?

– Да.

– И Михалыч знал, что Юра – тот самый пацан?

– Поначалу не знал, но я ему рассказал. Я, собственно, в связи со всей этой историей по твою душу и приехал.

– Ах, даже вот как? – В интонации Ярового проскользнуло ревнивое. – А я-то, дурак, размечтался, что генерала нашего совесть на пару с ностальгией одолели. И он решил старого товарища повидать. Возомнил, понимаешь, о себе...

– Пашка! Кончай изображать обесчещенную девицу. Если для твоего самолюбия так комфортнее, будем считать, что я приехал совместить приятное с полезным.

– Не утешай меня без нýжды... Ладно, проехали. Выкладывай, что конкретно тебя интересует. Хотя нет, подожди, давай сперва еще по одной накатим. Чтоб вышеповеданное устаканилось.

– Не возражаю...

Приятели снова выпили. Собираясь с мыслями, Владимир распечатал очередную пачку болгарских. По въевшейся папиросной привычке долго и тщательно разминал сигарету.

– Знаешь, Пашка, самое удивительное в этой истории то, что ее персонажи – я, ты, Хромов, Юрка, Гиль – переплелись в столь запутанный узел, что выбраться из него не удастся даже и по прошествии стольких лет.

– Вот прям с языка смахнул. Я тоже о чем-то подобном

подумал.

– И это лишний раз доказывает, что каждое наше необдуманное действие несёт за собой последствия во много раз страшнее изначальной ошибки. Здесь я в первую очередь себя имею в виду.

– Брось. Ты же не виноват, что именно тебя тогда втянули в блудняк с тетрадами Гиля. Кстати, они вообще существовали или это миф?

– Существовали. Тетради хранились в тайнике у Алексе-
евых и сгорели в блокаду вместе с домом.

– Да ладно? Я ведь прекрасно помню, что после ареста в Москве Гиля в адресе на Рубинштейна проводили обыск.

– Значит, хреново проводили.

– Может быть. – Яровой задумался. – А согласишься, любопытно было бы в них нос сунуть? Понять, из-за чего весь сыр-бор приключился. Ты у самого-то Казимирыча не спрашивал: что за крамолу он тогда понаписал?

– Старик отказался говорить на эту тему. Сказал, для него это слишком болезненные воспоминания. И вообще, после войны Гиль пересмотрел свое отношение к Сталину. Так что нынешние хрущевские закидоны для него – как серпом по причинному.

– Но, я так понимаю, держится?

– Та еще, старого лесу кочерга: скрипит, трещит, но не ломится.

– Ладно, бог с ними, с тетрадами. Тебя, я так понимаю,

интересуют обстоятельства задержания Алексеева-младшего?

– Именно. Кстати, я захватил с собой копию протокола твоего допроса Юрки. Принести? Чтоб проще было вспомнить?

– Не нужно. Это дело я помню до мельчайших подробностей.

– Почему именно его?

– Потому что имелись в нем, как ты выражаешься, нюансы.

– Тогда давай от самой печки: откуда вообще всплыла тема с Алексеевым? Догадываюсь, что зачин «для проверки документов был остановлен подозрительный...» – это сугубо для прокурорских отписка?

– Правильно догадываешься.

– А с чего на самом деле началось?

– Началось? Хм... Знаешь, перед самой войной я занимался делом драматурга-сказочника Шварца. Слышал про такого?

– Разумеется. И, справедливости ради замечу, как раз сказочного у него мало. Все больше чистоганом реальность.

– Есть такое. Так вот, в записях Шварца я наткнулся на одну фразу. Столько лет прошло, а помню до сих пор.

– И что за фраза?

– Всегда несчастья начинаются с глупого. С умного – не начнется.

– Толково.

– Вот с твоим Алексеевым ровно так и произошло. В общем, если от печки: в ноябре 1942-го, выполняя некое ответственное поручение, Юрий перешел линию фронта и добрался до регулярных частей. Вернуться обратно в отряд, в силу обстоятельств, не получилось, и парня зачислили рядовым в состав стрелковой дивизии. Номера сейчас не вспомню, но в деле должен быть. Дивизия принимала участие в операции по прорыву блокады Ленинграда, после чего была переброшена на Свирско-Петрозаводский участок. Судя по всему, воевал парнишка неплохо. По крайней мере медаль имел. Ну а к августу 1944-го наши закрепились на финской границе и активные боевые действия в Карелии закончились, хотя отдельные стычки продолжались вплоть до середины сентября. Вот как раз в период этого затишья Алексеев был поощрен командованием 10-суточным отпуском и на попутках добрался до Ленинграда.

– И чего его туда понесло?

– А он и не собирался задерживаться в городе. Все равно родных не осталось, дом разбомбили. Могли, конечно, сыскаться какие-то знакомые из довоенной жизни, но Алексею перед ними светиться было не с руки. Потому как... Ты в курсе, что он жил под чужим именем?

– Да. Василий Лощинин.

– Вот-вот, учащийся ФЗУ... Короче, сразу по приезде парень смотался на могилы матери и деда, прошвырнулся по

центру и тем же вечером должен был сесть на поезд до Москвы. Где ни разу не был и которую мечтал посмотреть. Но – не посмотрел. Ибо черт его дернул сунуться в ресторан...

Ленинград, сентябрь 1944 года

Юрий обогнул скучающего перед входом в ресторан старорежимного вида деда-швейцара, прошел еще метров пять, снова скользнул взглядом по манкой вывеске и...

...И решительно повернул обратно. Считав его намерение, швейцар грозно упер руки в боки:

– Осади, служивый. Рядовому составу не положено. Только офицерам.

– Я знаю, отец.

– А чего тогда прешься, если знаешь?

– У меня поезд через два с половиной часа.

– Счастливого пути.

– Разреши, я быстренько чего-нибудь на зуб кину и сразу уйду?

– На вокзале буфет работает. Как раз успеешь.

– Оно понятно, что работает. Войди в положение, отец! Я третий год из котелка хлебаю. Знаешь, как хочется разок, по-человечески, с ножом и вилкой, из тарелки настоящей поест. Удружи, а? Как ленинградец ленинградца прошу.

Швейцар понимающе посмотрел на Юрку и, смягчаясь, спросил:

– Медальку за что получил?

– За освобождение Петрозаводска.

– А лет-то тебе сколько, герой?

– Семнадцатый пошел.

– Э-эх! Сопля соплей, а туда же. Ресторан ему подавай! –

больше для виду и порядку проворчал старик. После чего, понизив голос, зашептал:

– Ладно, дуй за мной. Только мышкой. Я тебя в дальнем уголочке посажу. Но учти! Если патруль с проверкой заявится, я скажу, что ты сам незаметно прошмыгнул. Не по злобе скажу – просто место терять резону нет.

– Договорились, отец! Спасибо тебе...

Уголок, куда швейцар разместил Юрку, хоть и оказался укромным, но имел один существенный недостаток: за соседним столиком гуляла компашка из двух штатских с дамами.

Да и фиг бы, как говорится, с ними, вот только...

Слишком уж шумно она гуляла. Так, что Юрка и не хотел бы, но невольно слышал все ведущиеся за столиком отвязные разговоры. Особенно усердствовал практически в дымину пьяный, долговязый, с неприятными белыми глазами «пиджак», которого дамы попеременно величали то Димочкой, то Димасиком.

Пока тот сыпал разного рода сальностями и скабрзностями, Юрка еще терпел. Хотя и морщился, ибо шуточки отпус-

кались из разряда «битюговых». Но затем Димасик взялся травить байки из своего якобы исключительно героического прошлого. Дамы, понятное дело, реагировали охами и ахами. Юрку же после каждой новой услышанной подробности буквально колотило.

– И тогда я принимаю решение: брать эту сволочь в одиночку!

– Ка-ак?! Но ведь он же был с оружием?

– В том-то и дело, Зиночка. У него в руках вальтер, а у меня, извиняюсь, хрен. Да и тот – в штанах.

Барышни, как бы смущенно, приснули.

– Ладно, думаю, семи смертям не бывать, и бросаюсь на него. И тут раздается выстрел.

– О господи! Попал?

– Кабы попал, мы бы с тобой, Марусенька, здесь не сидели, винцо не попивали... Кстати, Семен, кончай жрать. Почему посуда опять пустая? Раскидай! Короче: вот тут, у самого виска, пуля чиркнула. Ну да второго шанса я ему не оставил. Подскочил, вырубил и пистолет забрал.

– Димасик, ты просто прелесть!

– погоди, Зиночка, это еще не конец истории.

– Ка-ак?

– А вот та-ак! Гляжу, из кустов еще трое поперли. Их там, оказывается, целая диверсионная группа была.

– О Господи! Жуть какая!

Здесь, не удержавшись, Юрка хмыкнул. Вышло доволь-

но громко, так что «пиджак» услышал, обернулся и грозно уперся в него своими белыми глазами. Сдерживая смех, Юрка клятвенно сложил ладони домиком: мол, прошу пардона, молчу-молчу, продолжайте, очень интересно.

«Пиджак» побуравил его недобро-пьяным, затуманенным взглядом, а затем вернулся в исходное положение и продолжил:

– Но теперь-то я был с оружием. А потому решил: не-ет, шалишь, мы еще повоюем. И вдруг замечаю, что патронов-то в пистолете больше нет. А главное – и они, суки... дамы, прошу пардона!.. это понимают. А потому прут на меня в открытую, уже не таясь.

– И как же ты, бедненький?

– Щас дорасскажу. Только сначала давайте... – Пиджак взялся за фужер, и остальные последовали его примеру. – Предлагаю выпить за...

– За настоящих героев! За вас, мальчики!

– Вот спасибо, Маруся! Уважила!

Компашка шумно чокнулась, и все дружно выпили. Димасику очередная чарка встала колом: он громко рыгнул, с усилием надул щеки и...

...и в последний момент все же справился. Заглотнул и с видимым облегчением выдохнул. Закусывая, захрустел соленым огурцом.

– Димочка! И чем там все закончилось?

– Где?

– Ну, с этими, с диверсантами?

– А! Беру я тогда вальтера за ствол, размахиваюсь и швыряю первому в харю. Попадаю аккуратно в нос и буквально слышу хруст сломанных костей.

– Ф-фу... гадость!

– Это не гадость, Зиночка. Это жизнь. Ну а сам падаю в ноги второму. Заваливаю его на землю, хватаю за горло и начинаю душить. Все едино, думаю, всех живыми не доставить. Возьму главного, и шут с ними – с остальными. Так в итоге и поступил. Хотя тот, который со сломанным носом, потом сапоги мне лизал. Умолял, чтобы я его, вражину, не кончал. Ага, щас! Собаке собачья смерть.

– Кошмар какой! Просто с ума сойти можно!

– Это точно! – не выдержав, предельно отчетливо брякнул Юрка. И вся компания синхронно повернулась на его голос.

– Ты чего щас сказал?

– Извините. Случайно вырвалось.

– Не нравится мне твоя улыбочка, сынок!

– Димочка, успокойся. Не приставай к солдатику!

– Вот-вот. Я вообще не понимаю, что этот солдатик здесь делает? Комендатура, блин, совсем мышей не ловит.

«Пиджак» встал из-за стола и, пошатываясь, подошел к Юрке.

– У тебя проблемы, сынок?

– У меня? Нет... батя. Это, похоже, у вас при задержании проблемы возникли. Кстати, а куда третий делся?

– К-к-какой третий? – не врубился «Пиджак».

– Вы же сами сейчас рассказывали, что на вас трое поперли. Из кустов.

Теперь уже в голос заржал второй штатский – который Семен. С чувством юмора оказался, оценил шутку. Но этот его хохот окончательно вывел из себя его приятеля:

– Ты, парень, похоже, неприятностей на голову ищешь? Так я могу устроить. На раз-два.

«Пиджак» сделал еще один шаг, от которого его повело-качнуло. Дабы удержать равновесие, он оперся о край Юркиного стола, отчего стакан с компотом опрокинулся и содержимое вылилось парню на штаны. Аккурат на «неудобное место». Юрка вскочил, схватил салфетку и начал зати-
рать двусмысленное мокрое пятно.

– Видали? – заржал «Пиджак». – Солдатик-то обоссался со страху!

А вот это он зря. После столь обидных слов башку у Юрки снесло окончательно, и он, не задумываясь, несильно, но точно заслал обидчику в ухо. Ну да пьяному и этого оказалось достаточно, чтобы отлететь на пару метров и приземлиться спиной на соседний столик.

Дамы в унисон завизжали, а тот, который Семен, бросился на Юрку с намерением поквитаться. И – понеслось...

* * *

– ...Дальше всё как обычно. Шик, блеск, тру-ля-ля. Обедавшие в ресторане офицеры увидели, как гражданский накинудся на парня в форме и, понятное дело, посчитали долгом вступиться. Кто-то по ходу дела под горячую руку попался. Туда-сюда. Шум, возня, битье посуды, свисток заполоненный.

– М-да... Вот и покушал. С ножом и вилкой. Юный, блин, эстет.

– Всех троих доставили в ближайшее отделение милиции. Там изучили документы, поняли, что связываться себе дороже, и вызвали: за Алексеевым – патруль комендатуры, а за нашими – ответственного с Литейного.

– Так это что? Госбезопасность с дамами гуляла?

– В том-то и дело, Володя. Такое вот роковое стечение обстоятельств. А потом и часа не прошло, как они, обстоятельства, еще роковее стали...

* * *

В ожидании вызванных для разбора полетов отцов-командиров троица ресторанных дебоширов коротала время на лавке в предбаннике милицейского околотка. Под пригля-

дом сидящего за своей конторкой дежурного.

Дежурный заполнял толстенный гроссбух и время от времени искоса поглядывал на залетчиков, всякий раз неодобрительно качая головой. В какой-то момент он не выдержал и с редким для подобных присутственных мест сочувствием протянул:

– Да-а, мужики! Честно говоря, я вам не завидую.

Все еще не протрезвевший Димасик неопределенно булькнул в ответ. А вот его приятель Семен подошел к конторке и, оглядываясь на дверь, предложил негромко:

– Может, того, договоримся? Без протоколу? А ущерб мы оплатим.

– Извини, братишка, не получится. И рад бы, но не могу. По вашим епархиям звонки уже сделаны, люди за вами выехали.

– Ч-черт! – досадливо скривился Семен и, оборотившись, сердито высказал Юрию:

– А всё из-за тебя, пехотун!

– А может, из-за себя?

Дверь распахнулась, и в дежурку в сопровождении милицейского сержанта важно прошествовал суровый грузный мужчина в форме капитана госбезопасности. То был хорошо и печально известный Кудрявцеву и Яровому собственной персоною товарищ Синюгин. Человек, некогда самолично выезжавший на арест инженера-путейца Алексеева. Человек, непосредственно причастный к смерти Юркиного от-

ца. О чем сам Юрка, слава богу, знать не мог. Узрев старшего, Димасик подскочил с лавки, вытягиваясь в подобие фрунта. Вот только ноги при этом, для пущей устойчивости, расставил неуставно – широко, по-матросски. И со стороны сие смотрелось, мягко говоря, нелепо. Следом за Димасиком, нехотя, сугубо из уважения к мундиру, поднялся и Юрка.

– Прекрасно! – резюмировал Синюгин, брезгливо оглядев подчиненных. – Теперь точно все девки ваши. Станете им впаривать, как героически пострадали лицом и иными частями тела при задержании опасного преступника.

– Иван Иванович, мы... э-э... – заблеял было Димасик, но, спохватившись, клацнул челюстями, гася выхлоп.

– Я еще с порога учуял, что вы – ни бе ни ме. Ладно, с вами после поговорим. – Синюгин переключился на Юрия: – Этот?

– Так точно, – подтвердил сержант. – Он самый.

– Эге ж. Мал клоп, да вонюч. Эка пацан вас уделал, любо-дорого. Документы?!

Дежурный выполз из-за своей конторки и подал Синюгину изъятые у Юрки армейскую книжку и отпускную бумагу.

– Та-ак. Лощинин Василий. 368-я стрелковая дивизия, рядовой. Как очутился в Ленинграде, рядовой Лощинин?

– Отпуск получил. На десять суток.

– Вот теперь свои десять на губе и просидишь, – откомментировал дежурный.

– О-отпуск? Это за какие такие заслуги?

– Там написано.

Синюгин развернул четвертушку казенной бумаги, пробежал глазами.

– Герой, значит? А ты в курсе, герой, что рядовому составу запрещено посещать рестораны? Сержант, не стой столбом, оформляй этих двоих ухарей на меня.

– Извините, тащ-капитан, без указания своего начальника не могу.

– Так пригласи сюда своего начальника! Да поскорее, у меня времени в обрез... Так ты в курсе, боец Лощинин?

– В курсе.

– И тем не менее?..

– Да.

– Прекрасно. А знаешь ли ты, герой, что я запросто могу тебя арестовать и привлечь к ответственности за покушение на сотрудников органов госбезопасности?

– Да вы что, товарищ капитан! – вскинулся дежурный. – Какое покушение? Ну зашли мужики в ресторан, выпили, повздорили слегка. Обычное дело. У нас здесь таких каждый день мешками приносят. По причине ресторанной близости.

– А вашего мнения вообще никто не спрашивает. Я доступно излагаю?!

– Так точно, – потускнел, сдулся дежурный.

– А как я должен был догадаться, что товарищи из органов? – сухо поинтересовался Юрка. – Они мне не предста-

вились, формы на них не было.

– Ты мне тут не дерзи, герой. А то ведь я и в самом деле могу осерчать... Во-от, то-то же.

Последняя реплика Синюгина явилась реакцией на гримасу неподдельного, на грани ужаса, потрясения, отчетливо обозначившуюся на Юркином лице, которую капитан ошибочно воспринял на свой счет. На самом же деле в этот момент Юрка вперился за спину гэбэшника. Туда, где в данный момент обозначились сержант и высвистанный им начальник отделения.

Да-а, это очень хорошо, что Юрка не знал, кто такой Синюгин и какую роль он сыграл в трагедии их семьи. Но сейчас было бы куда лучше, кабы он не знал зашедшего в дежурку человека. Ибо был им не кто иной, как участковый с улицы Рубинштейна дядя Костя, за годы войны дослужившийся до должности начальника отделения милиции. К слову, последний испытал отчасти схожие с Юркиными эмоции. Вот только изначальное потрясение у него тут же сменилось радостным воодушевлением:

– Алексеев!? Юрий?! Живой?! А ведь мы тебя всем двором давно похоронили!

Юрка обреченно закрыл глаза, поняв, что... всё, засыпался. Он глубоко вдохнул воздух и попытался успокоить трепещущее сердце. На ум невольно пришли слова покойницы бабушки: «Когда обстоятельства сильнее человека, порой лучше смириться». Тем временем Синюгин, с ходу считав те-

му (что и говорить – профессионал), демонстративно убрал Юркины документы в нагрудный карман и не без яду уточнил:

– Значит, говорите, Юрка? Алексеев? Прекрасно. А вы не ошибаетесь?

– Разумеется, Юрка! – радостно захлебываясь, подтвердил экс-участковый Антонов. – Я ж его вот с таких вот... – он показал рукой, с каких именно, – знаю. Я ж до войны как раз на их участке...

Только теперь срисовав страдальческое выражение лица парня, дядя Костя начал что-то такое соображать:

– А... а что здесь? Может, я чего-то... не того?

– Всё того. Очень даже того, – успокоил Синюгин. – Телефончик мне дай. – Дежурный протянул аппарат, и гэбист набрал номер: – Мартынюк? Синюгин говорит. Срочно пришли в отдел милиции двух сопровождающих. С оружием. Да-да, в тот самый отдел.

Капитан положил трубку и довольным взглядом обвел по-нурых подчиненных:

– Ну что, орёлики? Не было бы счастья, да несчастье помогло?

– Товарищ капитан госбезопасности, – подал голос по-прежнему не врубающийся в происходящее дядя Костя. – Может, вы все-таки объясните, что здесь происходит?

– Объясню. Только не сейчас. И в другой обстановке.

Синюгин уставился на Юрия и фальшиво-сочувственно

поцокал языком:

– И это еще раз доказывает, что распоряжения комендантуры следует исполнять неукоснительно. Верно, боец Лощинин? Или все-таки Алексеев?

* * *

Заплатив по счету в шашлычной, Барон посетил места общего пользования.

Здесь, запершись в кабинке, он достал из чемоданчика палевого окраса бутафорские и исключительно пошлые на вид усишки, по случаю приобретенные в магазине «Маска», что на Невском. Заученным движением укрепил их над верхней губой, выждал несколько минут (для полного схватывания), подергал за кончики – все нормально, встали как родные. После этого натянул по самые брови кепку-трехклинку, а кухонный нож переложил во внутренний карман пиджака. Выйдя из кабинки, проходящим осмотрел себя в зеркале – не бог весть что, но для провинциальных полевых условий, в принципе, сойдет. И нож, и кепку Барон подрезал в домишке тещи таксиста. Но, учитывая, что Валера получил от него полновесную трешку, о мелкой краже в данном случае речи идти не могло.

День стоял субботний, и это было весьма кстати, так как места работы Самарина Барон не знал. Но сегодня, на худой конец – завтра, имелись все шансы застать его дома. Телефон

Самариных был обозначен на квитке, накануне полученном в местной горсправке. Поэтому Барон добрел до ближайшего таксофона и, настроившись на разговор, набрал номер. Держа в голове сразу две легенды: одну – на случай, если на звонок отзовется кто-то из домочадцев, другую – если трубку снимает сам хозяин.

– Алё? – голос принадлежал подростку лет двенадцати-тринадцати. «Сын от второго брака», – догадался Барон.

– Добрый день. Я могу услышать Евгения Константиновича?

Пауза-тишина в ответ. Затем:

– Подождите, пожалуйста. Я сейчас маму позову...

Секунд через десять в трубке раздался женский голос:

– Слушаю вас.

– Добрый день. Я бы хотел переговорить с Евгением Константиновичем.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Геннадий Кириллович.

– А вы, извините, по какому вопросу?

– Я его бывший коллега. По работе.

– Это, видимо, еще по стройтресту?

– Точно так. Последние несколько лет живу и работаю в другом городе. В Перми нынче проездом. И вот, по старой памяти, хотел повидаться.

– То есть вы не в курсе нашей ситуации?

– Нет. А что случилось?

– Дело в том, что Евгений Константинович болен. Уже почти полгода как.

– Полгода? Значит, что-то серьезное?

– Да. Очень.

– Он в больнице?

– Нет. Проходит курс амбулаторного лечения на дому.

– Печально. С вашего позволения я бы навестил его? Все-таки столько времени не виделись. И бог знает когда я теперь окажусь в Перми.

– Ну хорошо. По распорядку дня с четырех до шести у него прогулка. Так что подходите часикам к семи. Запишите адрес.

– Если вы по-прежнему живете на Советской, то я в курсе. Доводилось разок побывать.

– Вот как? Странно, что я вас не помню.

– В тот раз мы сидели сугубо в мужской компании.

– Понятно. Тогда ждем вас к семи.

– Благодарю. До вечера...

Барон вышел из телефонной будки и задумался: «Человек тяжело болен, тем не менее может позволить себе ежедневные двухчасовые прогулки. Странно». Но, с другой стороны, подобная педантичность могла облегчить дело. Учитывая, что в квартире находились как минимум двое потенциальных свидетелей, лучшим вариантом считалось перехватить Самарина на улице, на подходе к дому.

Часы показывали четверть пятого, однако Барон сразу вы-

двинулся на Советскую, чтобы непосредственно на месте определиться, где проще и эффективнее привести в исполнение смертный приговор.

* * *

– ...Оно, Пашка, всё так. Только я ответственно могу заявить, что особого криминала в том, что Юрка жил под чужим именем, нет. Просто на момент, когда он попал в партизанский отряд, иных удостоверяющих личность документов, кроме как удостоверения Лощинина, у него на руках не было. А *ксиву* эту Юрий нашел в вещах погибшего знакомого. На пару с которым прорывался из блокадного Ленинграда.

– Хорош знакомый, ничего не скажешь, – проворчал Яровой. – А ты в курсе, откуда у этого знакомого, у Гейки, *ксива* взялась?

– В курсе. Он поднял ее на квартире профессора Лощинина, на которую со своей шайкой совершил налет в марте 1942 года.

– И на всё-то у вас, товарищ генерал, ответ имеется. Даже неинтересно.

– Ответы у меня, увы, далеко не на всё. Но в данном конкретном случае общая картина мне теперь более-менее понятна.

– А вот мне до сих пор непонятно одно: по какой такой причине парень из приличной семьи поддался на угово-

ры малознакомого уголовника и пошел за ним паровозом? У Юрки ведь к тому времени работа была, карточка рабочая. Опять же сестру сумел отправить. Конечно, блокадная жизнь не сахар, но ведь и рывок – авантюра. Шансы выбраться из города были минимальными. Да и в случае благоприятного исхода потом тоже надо было где-то жить, что-то жрать.

– А ты у него самого за это не поинтересовался?

– Спрашивал, причем неоднократно. Но этот момент Юра старательно замалчивал.

– Что ж, если тебе, Паша, до сих пор, как ты говоришь, интересно, пожалуй, я могу объяснить причину старательно-го замалчивания.

– О как? Давай, удиви меня в очередной раз.

– Юрий решился на побег с Гейкой после того, как совершил в Ленинграде убийство.

– Да ладно? – оторопел теперь уже Яровой. – Не может быть!

– Может, Паша. В этой жизни, как учит нас жизнь, может быть абсолютно всё.

– Значит, все-таки провел меня? Вот стервец. А ведь я ему, Володя, поверил. Поверил, что нет на парне уголовки. А поверив, чем смог – помог. Да, дела... – Яровой потянулся за бутылкой. – Блин! Лучше бы и не спрашивал. Потому как чертовски обидно теперь. Да, и кого же он убил?

– Меня, – невозмутимо ответил Кудрявцев. – Помянем?

Ленинград, март 1942 года

Тяжелый пистолет оттягивал карман, ударяя в бок при каждом шаге, но для Юрки это незнакомое доселе ощущение было только в плюс. Он шел, упиваясь недолгим статусом вооруженного человека, и выражение неподдельного восторга само собой обозначалось на его скуластом, обтянутом обветренной кожей лице.

– И как ощущение?

– Здорово.

– Ствол – штука такая, – авторитетно, со знанием дела подтвердил Гейка. – Как первая баба. Разок попробуешь, потом ни в жисть не откажешься.

– А что? У тебя уже... было?

– Да сто раз.

– Так уж и сто?

– Может, чуть поменьше, конечно. Но все равно, до фига.

Ты гляди, поаккуратнее с ним. Заряжен.

– Ладно...

Когда мальчишки добрались наконец до квартиры, Юрка завел окоченевшего Гейку в бабушкину комнату, усадил на кровать и запеленал словно маленького в несколько слоев одеял. С дровами были проблемы, но ради такого случая и на правах гостеприимного хозяина Юрка решил пожертвовать несколькими томами Брокгауза и Ефрона, отложенными на черный день. Из оставшихся в квартире книг эти были самые нажористые.

– Сиди, отогревайся. А я книжки принесу, для растопки.

– Чего? И печка будет?

– Само собой.

– О, поперли козыря!

– Знаешь, на кого ты сейчас похож?

– Знаю. На пингвина. У них тоже вечно хрен отмороженный.

– Да нет, ты просто копия капусты.

– Чего я?

– Я говорю: сто одежек, и все без застежек.

Юрка вышел в коридор и на ощупь двинулся в гостиную. Проходя мимо двери бывшей родительской спальни, он вдруг отчетливо услышал нечто похожее на слабый стон. От неожиданности Юрка вздрогнул и застыл на месте. Рука невольно сунулась в карман, где лежал пистолет, который он не успел вернуть Гейке.

Стон повторился, теперь отчетливее. Юрка достал пистолет, тихонечко, на цыпочках, зашагнул в комнату и напряженно всмотрелся в темноту. На родительской кровати лежал военный. В шинели, сапогах и в армейской шапке с опущенными ушами. Негромкое его похрапывание снова прервалось неким подобием стоны и снова столь же резко оборвалось. Видать, снилось человеку что-то нехорошее, недоброе.

Стараясь не дышать, Юрка подошел ближе – и тотчас отпрянул назад, ибо на кровати лежал Кудрявцев. Это было так

же невероятно, как если бы в своем доме Юрка застал спящего фашиста. Впрочем, сейчас и тот и другой для него по сути были равнозначны: что фашист Ганс, что чекист дядя Володя. Вспомнив о пистолете, Юрка поднял руку и прицелился. Мушка запрыгала, потерялась на черной шинели.

– Просыпайся, гад! – приказал он срывающимся на фальцет голосом. – Я не хочу убивать тебя спящим.

Кудрявцева подбросило на кровати, как от разрыва снаряда.

Даром что спросонья, он опознал Юрку много быстрее.

– Юрий? Ты?! Живой?! Э-э-э... Юра! Убери пистолет. Это тебе не игрушка, слышишь?

– За отца, за маму, за бабушку, за деда Степана, – начал зачитывать приговор Юрка. – За всех, кто по твоей вине погиб, приговариваю тебя к высшей мере наказания.

– Юра, подожди! Не дури, слышишь? Давай поговорим как мужчина с мужчи...

В пустой квартире выстрел прозвучал оглушающе громко, а тяжелый пистолет дернулся, вырываясь из руки. Юрка стрелял первый раз в жизни, да еще и в живого человека, а потому не сразу уловил связь между выстрелом и тем, что произошло. Но нетрудно догадаться, что попасть в столь крупную мишень с нескольких метров смог бы и слепой. Страшась увидеть результаты рук своих, парень выскочил из спальни и, натываясь на стены, кинулся в комнату, к Гейке. А тот, ошарашенный невесть откуда раздавшимся выстрелом,

неуклюже пытался выбраться из одеяльного кокона.

– Алё! Кто стрелял?

– Я.

– Вот ведь придурок! А на кой?

– Я. Убил. Человека, – отрешенно отозвался Юрка. После этих с трудом давшихся ему слов он опустился на пол и заревел. В свою очередь Гейка, скорее изумленно, нежели испуганно, уставился на приятеля:

– Так, еще раз? Чего ты сейчас сказал?

– Я убил человека, – размазывая слезы по щекам, всхлипывая, повторил Юрка. – Владимира Николаевича.

– Зашибись. А кто такой Владимир Николаевич и откуда он здесь взялся?

– Не знаю. Откуда. Просто спал. Он... он из госбезопасности.

– ОТКУДА?!

– Чекист.

– Плева-а-ать в мои карие очи! – Гейка схватился за голову. – Ну всё: «Подъем!» – сказал котенок, когда его понесли топить. Да-а-а... Это я удачно в гости напросился. И за что ты его... шлепнул?

– Вендетта, – глухо пояснил Юрка.

– Че-его?

– Слово такое. Кровную месть означает.

– Обратно зашибца! Юрец, ты ж у нас вроде как русский, а не абрек какой? Даже у моих соплеменников этим делом

давно никто не промышляет. А уж тем более... Это ж надо додуматься – чекиста мочкануть. Ты понимаешь, что это однозначно стенка?!

– Понимаю.

– Ну и дурак, коли понимаешь, – огрызнулся Гейка, слегка успокаиваясь. И то сказать: влетал он по жизни и не в такие ситуевины. Да, отправлять к праотцам гэбистов до сих пор не доводилось. Но того же немецкого диверсанта они с парнями завалили так, что любо-дорого.

– Слышь, убивец! Волюну верни.

Юрка молча протянул пистолет. Убедившись, что еще четыре патрона в загашнике имеются, Гейка окончательно взял себя в руки:

– Да не реви ты как баба. Мочканул и мочканул, чего уж теперь. Пойду гляну. Как оно там у вас... сладилось.

* * *

Гейка отсутствовал минут пять. Когда он вернулся в комнату, подсвечивая себе дорогу фонариком, Юркина истерика почти прекратилась.

Фонарик оказался не единственным трофеем: Гейка достал из карманов и вывалил на кровать две банки тушенки, полбуханки хлеба, нечто упакованное в газетный кулек и пачку махорки. Как бы демонстрируя: по-честному делить станем, я ничего не скрысил.

– Юрец, зырь, сколько хавчика!

– Ты что? В его вещах рылся?

– А чего такого? Я ведь только жратву забрал. Ну и фонарик в придачу. А бумаги там всякие, документы, что в вещмешке лежат, так я к ним даже не прикасался. И в карманах евованных не шарился. На фиг надо. А вот харч покойнику все равно ни к чему.

– Покойнику? – ужаснулся Юрка. – Так он точно? Умер?

– Лежит в кровище, не шевелится. Вроде не дышит. А пульс ему щупать и глаза закрывать лично я не подряжался. Коли есть охота, ступай сам и проверяй... Юрец, я так меркую, что теперь, когда у нас жратва имеется, без вариантов из города валить надо. Обоим. Иначе даже наколка со Сталиным на грудях не поможет. Правый висок – пожалуйста бриться.

– А причем здесь Сталин и правый висок?

– Долго объяснять, забудь. В общем, решай: или ты со мной, или делим продукты и разбегаемся. Я тебя не знаю, ты меня не знаешь.

– Я с тобой, – шмыгнул носом Юрка.

– Не ссы, братан, я тебя из города выведу и на большую землю в лучшем виде доставлю. Гейка Равилов за базар отвечает. Веришь или сомневаешься?

– Верю. Только... А куда потом-то?

– В Москву рванем. У меня там дядька двоюродный обретается.

– Так он же, наверное, на фронте сейчас?

– Ага, пойдет он на фронт, как же. Ищи дурака! – усмехнулся Гейка и с гордостью добавил: – Дядя Халид, он на Дорогомиловке всеми окрестными ворами и жиганами заправляет. В авторитете человек, большую силу имеет... Хочешь в Москву?

– Мне все равно куда, – безразлично отозвался Юрка.

– Тогда завтра ближе к ночи и стартуем. Сутки здесь отсидимся, отогреемся и...

– Не-ет. Я не могу здесь сутки. Рядом с...

– Ты чего, покойников боишься, что ли?

– Я правда не могу. Честное слово.

– И чего теперь? Прикажешь сызнова на улице пережидать?

– Почему на улице? В другой квартире переночуем.

– Ни фиги себе! И сколько же у тебя по Питеру всего малин? – Гейка снова стал распахивать продукты по карманам.

– Каких малин?

– Тьфу ты! Я говорю: хата твоя далеко отсюда?

– Возле Волкова кладбища.

– Понятно, два лаптя по карте.

– Зато там дрова есть. Только вчера с работы принес.

– Черт с тобой, пошли. Раз уж ты у нас такой... суеверный. Убивец хрустальных люстр. И чекистов.

– Прекрати, пожалуйста! – страдальчески попросил Юрка.

– Ладно. Пусть будет коротко и ясно – просто «убийец». Да не дрейфь ты, братан! Раз уж до сих пор на твою пальбу не сбежались, значит, считай, пронесло. Хату на ключ закроешь – и вся недолга. На дворе такие морозы стоят, что покойник всяко не завоняет.

Реакция на последнее авторитетное суждение юного жигана последовала незамедлительная: Юрка тотчас согнулся в три погибели и стравил. Хотя казалось бы: с чего? А главное – чем?

Едва за покинувшими квартиру парнями захлопнулась входная дверь, Кудрявцев приподнялся с кровати, с усилием поменяв положение тела, сел, упершись спиной в стену. Скрипя зубами от боли в раненом плече, высвободил левую руку из рукава шинели, густо пропитанного кровью. Сейчас самое главное было приостановить кровотечение. А потому, немного отдышавшись, он сгреб подушку, стянул с нее наволочку и принялся рвать ее на полосы, активно помогая здоровой руке зубами. Смастерив подобие жгута, приступил к перетяжке, предварительно сверившись с часами, – оставлять конечность затянутой более полутора часов нельзя, червато омертвением.

Покончив со жгутом, не с первой попытки Кудрявцев засунул руку обратно в рукав шинели и, отдохнув пару минут, осторожно встал на пол. Пошатываясь, добрал до распотрошенного, заметно полегчавшего вещмешка, порылся в нем и

сердито выдохнул:

– Вот ведь засранцы, все продукты подчистую потырили. Хорошо, документы не взяли, а то бы меня второй раз расстреливать взялись. Хоть это и противоречит уставу... Мда... Вот тебе и мальчик из интеллигентной семьи. Щенок щенком, а брешет по-псиному. Однако молодец парень, далеко пойдет. Если, конечно, не заблудится по дороге.

Кудрявцев забросил вещмешок за правое плечо и, максимально экономя силы, направился к двери. Неожиданно взгляд его уперся в стену, на которой с прежних мирных времен продолжал висеть семейный фотографический «иконостас». Кудрявцев дотянулся до рамки с карточкой Елены, шарахнул ее об угол стола, разбивая стекло, достал портрет и, сложив вчетверо, сунул в карман шинели.

Это был последний визит Владимира в адрес на улице Рубинштейна. Полторы недели спустя, в результате прямого попадания авиабомбы, «родовое гнездо» Алексеевых – Кашубских будет погребено под обломками здания постройки середины XIX века. словно финаля историю этой несчастной семьи и ее роковой фамильной тайны.

* * *

У подъезда на лавочке сидел разбитый параличом старик. Его вялые, бесчувственные руки покоились на коленях, как у прилежного первоклашки, а неподвижный взгляд был устав-

лен вглубь двора, поверх голов копошащейся на детской площадке малышни. Старик словно бы силился разглядеть там нечто необычайно важное, но ему никак не удавалось сфокусироваться. Так отныне гулял Евгений Константинович Самарин. С четырех до шести. И лишь в хорошую погоду.

Узнать в старике напыщенного самовлюбленного кладовщика дядю Женю из далекого ленинградского детства было решительно невозможно. По крайней мере Юрий не смог. Он так бы и прошел мимо, едва скользнув взглядом по согбенной инвалидной фигуре, если бы не руки. А именно – безымянный палец правой руки старика, на котором красовался перстень-печатка, некогда принадлежавший профессору Кашубскому. Дедов перстень. Тот самый, что вместе с другими ценностями ушел в качестве оплаты за вывоз Ольги из блокадного города.

На площадке резвились, пищали дети. В беседке гремели костяшками домино мужики. Из распахнутого на первом этаже окна доносилось зыкинское «на побывку едет молодой моряк». Барон молча стоял, почти нависая над стариком. А тот, погруженный в себя, продолжал неподвижно смотреть в одну, лишь ему ведомую точку, не обращая внимания на возникшую помеху. Физическое состояние Самарина сейчас вполне можно было уподобить незавидному положению человека, на шею которого накинута петля, а сам он стоит на табурете на кончиках пальцев. И шея болит нещадно, и онемевшие пальцы уже не слушаются, но и умирать не хочется.

Страшно.

Оценив ситуацию, Барон принял непросто давшееся ему решение: смертный приговор в исполнение приведен не будет. Во-первых, слишком легко. Все равно что курицу зарезать – никакого морального удовлетворения. А во-вторых, при нынешних раскладах удар ножом в грудь мог быть расценен как акт милосердия. А Барон не собирался оказывать Самарину подобную добрую услугу.

– Узнаёшь меня?!

Самарин поворотил голову на голос и непонимающе уставился на Юрия.

– Да ты повнимательнее, повнимательнее взглядись. Ну?! Или мартышка к старости совсем слаба глазами стала? А, дядя Женья?

– Ю-ю-ю-ю-ю-ю-юр-р-р-р-ра?

Похоже, один только дар речи и сохранился в этом почти мертвом теле.

– Ай, молодец! Припомнил. Ну здравствуй, старый друг семьи. Как поживаешь? Впрочем, можешь не отвечать. Вижу, что здоровьице оставляет желать.

– Ю-ю-ю-ю-юр-р-р-р... р-ра-а-а... Я-я-я...я-я... Н-н-не-е...

В своем испуганном лепетании Самарин выглядел настолько жалким, что никаких иных чувств, кроме брезгливости, в эту минуту Юрий не испытывал.

– Это тебя, дядь Жень, боженька покарал. Жаль, поздно-

вато награда нашла героя. Как перстенец дедов? Все эти годы ручку не жег?.. Боюсь, не жег. Потому что для таких, как ты, стыд не дым – глаза не ест.

Юрий перехватил сухую, почти невесомую стариковскую кисть и сильным резким движением вывернул с пальца перстень. Как пробку штопором.

– Что, больно? А тогда, двадцать лет назад, не было больно? Когда ты девочку пятилетнюю в Галиче на станции бросил?

– Я-я-я-я... я-я-я н-н-н-не-е... Она с-с-с-са-ам-м-м-ма от-т-т-с-с-с-ст-т-тала...

– Я, дядь Женя, шел сюда с окончательным и бесповоротным намерением прирезать тебя. Как хряка перегулявшего. Но я не стану этого делать. Потому что для тебя это было бы избавлением. Опять же, говорят, мученический конец способен часть грехов списать. Я в это, разумеется, не верю, но... мало ли. Так чтодохни сам. Мне приятно будет сознавать, что подыхать ты будешь медленно и мучительно. Беспомощным и под себя ходящим. Не будет тебе хорошего конца. Не заслужил.

Барон осмотрелся по сторонам и достал нож.

– Н-н-н-не-е... нан-н-на-ад-д-д... Ю-ю-ю-юр-р-р... п-п-по-о-ож-ж-ж... я... н-н-н-не-е-е...

– А пока ты, дядя Женя, еще не совсем из ума выжил, очень мне желательно, чтоб ты каждый божий день меня и Ольгу вспоминал. А чтоб лучше помнилось, я тебе засечку

сделаю. Узелок на память.

Молниеносным горизонтальным движением Барон чиркнул кончиком лезвия по лбу Самарина, оставив неглубокую, но длинную борозду. Похоже, старик даже не почувствовал боли, лишь жалобно взвизгнул и обмочился.

– А это – для дезинфекции, – Юрий плюнул Самарину в лицо, убрал нож и подхватил с земли чемоданчик. – Счастливого оставаться.

Барон торопливым шагом пересек двор и скрылся в арке: всё, с делами в Перми было покончено. А на площадке всё так же резвились, пищали дети. В беседке продолжали греметь костяшками домино мужики. В распахнутом на первом этаже окне на смену Зыкиной заголосил Кобзон. А у подъезда на лавочке беззвучно рыдал разбитый параличом старик. С окровавленным лицом и мокрыми штанами.

* * *

– ...И далее вы взялись крутить парня на убийство Лоцинина с последующим присвоением документов и биографии?

– Да. А поскольку после смерти Иващенко моим начальником стал прощельга Синюгин, дело расписали мне. Вот теперь и понимай как хочешь – судьба это или случайность?

– Слушай, а с какого перепуга Алексеева вообще взялась госбезопасность крутить? Ведь это сугубо милицейская

подследственность?

– Профессор Лоцинин некогда имел отношение к разработкам систем радиолокационного опознавания, поэтому Синюгину грезилось увидеть за налетом нечто более масштабное. Даже несмотря на то, что профессор впал в старческий маразм еще до войны и по этой причине даже не был включен в списки подлежащих эвакуации особо ценных научных кадров. Но, разумеется, никакой диверсии-шпионажа там и рядом не стояло. Заурядный разбой.

– Ни фиги себе, заурядный! Три трупа.

– Согласен, многовато. Обидно, что живьем тогда никого захватить не удалось. Потому что пацанов явно кто-то очень непростой на профессорскую хату навел. Много там разного антиквариата хранилось, даже оригинал Айвазовского имелся. Но – тут уж ничего не попишешь. Облаву на парней милицейские устраивали. И уж так им эта банда осточертела, что в итоге сработали беспощадно, но непрофессионально.

– Мы с тобой как-то отклонились от Юрки.

– А что Юрка? Когда диверсия отпала, Синюгин взялся настаивать, чтобы парень получил полновесное за убийство. Тем более сын врага народа. Яблоко от яблони, все дела... Но я сумел переквалифицировать на соучастие.

– И как же тебе это удалось?

– То, Володя, история долгая. Я к тому, что такие погоды на дворе стоят, а мы за столом киснем. Может, возь-

мем паузу и до речки прогуляемся? Окунемся? Что думает об этом комиссар?

– То же, что и командир.

– Правильно думает комиссар!.. Не-не, ничего не трогай, оставь как есть. Вернемся – продолжим.

– Пашик, у тебя здесь, часом, телефона нет?

– Обижаешь! Чекист бывшим не бывает, а потому всегда должен находиться в режиме доступа. Тебе позвонить нужно?

– Не сейчас, вечерком закажешь межгород с Москвой? Мне должны там кое-какую информаику подсобрать.

– Без проблем. Только на фигу тебе межгород? Выйдем на дежурку, и они по своей линии подключат. Думаю, цельному генералу с Лубянки не откажут?..

Глава третья

Гульба по случаю именин труженицы пивного общепита Валюхи хоть и проистекала с предсказуемым размахом, но была омрачена паскудными событиями завершающейся недели. В начале которой мусора повязали Зойку Графиню, сыскав у нее на хате вещички с налета на Канонерском, а затем, с некоторым опозданием, до честного народца добралось известие об аресте Бельдюги. За второе более иных прочих собравшихся кручинился Хрящ. Никак не ожидавший, что судьба-злодейка именно теперь, после столь фартового обноса, организует столь же гнусную подлянку.

Хотя товара на квартире директора обувной фабрики они с Бароном подняли достаточно, с наличностью получилось негусто. Вся надежда была как раз на Бельдюгу, клятвенно пообещавшего реализовать барахлишко в максимально короткие сроки и по исключительно божьей цене. И – на тебе! Мало того что сам спалился, так еще и кодла его, с бору по сосенке собранная, тут же, по-тихому, из города свалила. И где их теперь искать – одному черту известно. Оно конечно, Бельдюга – человек надежный, проверенный. Из тех, кто скорее чужое на себя возьмет, чем своих сдаст. Но то – утешение слабое. Как ни крути, а гоп-стоп на канале Грибоедова, получается, вхолостую сработали – на колу мочало, начинай сначала.

А тут еще и Барон куда-то запропастился. Если и он, до кучи, в какой блудняк угодил, пиши – караул... Хрящ опрокидывал в себя за стаканом стакан, рассеянно прислушиваясь к разгульному гомону, и размышлял: может, при таких раскладах и ему на время покинуть город Ленина? Но на какие тити-мити жить? На столовское трехразовое, конечно, хватит. Но хочется-то – кабацкого.

В какой-то момент из клубов табачного дыма материализовался Вавила, плюхнулся рядом и, обдавая кисло-чесночным дыханием, зашептал:

– Хрящ, потолковать бы?

– Об чём?

– Хорошая маза есть. Козырно обставить можно.

– Кто ж об деле на хмельную голову толкует? Выбрал место.

– Так тебя в другое время не застать. Ты ж лёжки меняешь как пес шелудивый: там пометил, сям пометил, откусил – отбежал.

– А ты никак собачить меня вздумал?

– Да ты что?! Это я так, типа образно выразился. Может, выйдем на балкончик? Потолкуем?

– Экий ты мгновенный.

Борясь с подступившей тошнотой, Хрящ натужно сглотнул. Прикрыл глаза, прислушиваясь к ощущениям: вроде отпустило.

– Ладно, шут с тобой. Пошли.

Хрящ поднялся и неуверенным шагом двинулся из комнаты. Следом, с видом профессионального заговорщика, засеменил Вавила.

– Вы куда, мальчики?

– Куда-куда? На кудыку с балкона харкать. Раскудахталась, курва!

– Мы сейчас вернемся, Валюша. Айн момент...

На самом деле, идея выйти на воздух оказалась не такой и плохой. Исключительно приятственно было сейчас Хрящу стоять, обдуваемым холодным ветерком. И вдыхать кислород, вентилируя больные, до конца от пневмонии не вылеченные легкие.

– Только уговор! Базар сугубо промеж нас, – предупредил Вавила, плотно прикрывая балконную дверь. – Если тема не канает, разбежались – и молчок.

– Было б сказано, а забыть всегда успеем. Ты не канитель, озвучивай.

– Ты, часом, не в курсе: Барон здесь, в Питере? Или, может, отскочил куда?

– Стесняюсь спросить: а в чем причина подобного любопытства?

– Я к тому, что он нам в этой теме край как сгодился бы. Потому – мужик головастый, по всему видать.

– Мужики лес пилят. А Барон – в честняках ходит.

– Ну да, ну да... Короче, есть вариант влегкую поставить

хату заведующего оптовой базы сантехники и фаянсовых изделий.

– Кхе... Вот с таких же, в легкую, козырей пару недель назад Макар заходил. А теперь вещички конфискованы, Зойка в допре, а сам Макар в бегах. Так что в гробу я видал такую козырную раздачу. – Хрящ недобро набряк, обнажив гнилые клыки. – Интересно, и как это мусора пронюхали, что товар на сохранение Зойка взяла?

– Может, соседи углядели да стуканули?

– За соседей не скажу, но без стука, похоже, не обошлось. Э-эх, узнать бы, чьих будет крыса – самолично кадык бы вырвал.

– Это правильно, – поддакнул Вавила, внутренне холодея. Потому как существовать без кадыка, согласитесь, неудобно.

– Значит, говоришь, директор сантехнический? Ну, толчок, допустим, мы вдвоем вынесем. Но ванную – всяко не сдюжим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.